

ПРИЛОЖЕНИЕ
К «ВЕСТНИКУ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИИТ»
№ 3 (27) — 2019

Статьи студентов и преподавателей
Юридического института
Российского университета транспорта
и других вузов

Содержание

Алешина С. А. За и против смертной казни.....	3
Бобкова Ю. В. История развития института участия прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства	8
Войпанюк С. Ю. Правовое регулирование контрактной системы в сфере обеспечения государственных и муниципальных закупок: проблемы на этапе планирования	17
Ковалева А. В. Коррупция и должностная преступность как системный фактор в России	22
Ковалева А. В. Мероприятия, направленные на предотвращение и противодействие коррупции в системе государственной службы	28
Лищук Д. Ю. Актуальные вопросы правового регулирования перевозки пассажиров железнодорожным транспортом и пути их решения.....	35
Подлесная И. В. Становление и развитие института несостоятельности (банкротства) физических лиц.....	39
Чекмарева С. В. «Культурная революция» в Китае при Мао Цзедуне	45

© Алешина С. А.¹

— студент Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)

За и против смертной казни

Аннотация. Рассматривается исключительная мера уголовного наказания — смертная казнь. Прослеживается генезис данного вида наказания не только в нашей стране, начиная с древнего времени до наших дней. Приводится мнение о данном виде наказания философов и теоретиков уголовного права, в том числе современных. Раскрывается соотношение категории «справедливость» со смертной казнью.

Ключевые слова: право; преступление и преступник; преступление и справедливость; смертная казнь; уголовный закон.

Смертная казнь — это лишение человека жизни, применяемое в качестве уголовного наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, прежде всего, против жизни.

На протяжении развития человечества всегда существовали неоднозначные, противоположные точки зрения по поводу смертной казни. Вначале проблема смертной казни рассматривалась с противоположных позиций — «за» или «против».

В средневековой Европе существовало множество форм и методов исполнения смертной казни. В этот период также ставили вопросы о целесообразности ее применения. Ч. Беккариа писал о том, что в цивилизованном государстве, где господствуют законы, смертная казнь не требуется. «Что это за право убивать себе подобных, присвоенное людьми? Смертная казнь не может быть правом и не является поэтому таковым. Высшее наказание никогда не останавливало людей, решившихся посягнуть на общество. Не суровость, а продолжительность наказания производит наибольшее влияние на душу человека. Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает людям пример жестокости»².

В то же время Вольтер относился к смертной казни положительно, а Шарль Монтескье и Жан Жак Руссо придерживались нейтральной позиции.

Интересны рассуждения И. Канта о смертной казни³. По его мнению, при совершении умышленного убийства преступник должен умереть, поскольку именно этого требует карательная справедливость. В подобном случае не может быть применено никакое иное наказание для удовлетворения требований справедливости. Нет и не может быть равенства между

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент **В. Е. Суденко**.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. § XXVIII. М., 1939.

³ Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в шести томах. Том 4. М., 1965.

смертью и жизнью, даже жизнью, полной лишений (к примеру, при пожизненном лишении свободы). Именно поэтому убийство и следующее за ним наказание нельзя уравнивать ни в коем случае, никоим образом, кроме казни преступника на основании обвинительного судебного приговора. Смертная казнь убийце, по мнению И. Канта, — есть требование справедливости, осуществление которой как высшей ценности человеческого общества диктуется категорическим императивом, абсолютным и безусловным велением нашего разума. В этой связи, считает философ, даже если представить, что какое-то гражданское общество решило по согласованию всех своих членов себя распустить, перед этим все же должен быть казнен последний находящийся в тюрьме убийца. Это нужно для того, считает Кант, чтобы каждый получил то возмездие, которое он заслужил своим преступлением. Невыполнение этого требования позволило бы рассматривать весь народ данного общества как соучастника в явном нарушении справедливости¹.

И. Кант считал справедливым применение смертной казни не только за умышленное убийство, но и за государственные преступления. Он делает вывод, что самым лучшим уравниванием преступления для всех участников антигосударственного заговора в соответствии с требованиями общественной справедливости будет наказание каждого смертной казнью. Отступление от таких суровых требований справедливости в борьбе с подобными преступлениями возможно только в тех случаях, когда количество соучастников в государственных преступлениях будет настолько велико, что уничтожение их всех привело бы к гибели значительного числа граждан данного государства. В подобных случаях глава государства вправе брать на себя функции судьи и вынести приговор, применяющий вместо смертной казни другое наказание.

Нельзя не отметить рассуждения И. Канта относительно помилования осужденного. Так как применение наказания для реализации справедливости является для Канта требованием категорического императива, то он в своей теории справедливости отрицательно относится к праву помилования преступника и считает это ограничением абсолютного требования категорического императива осуществлять общественную справедливость. С точки зрения Канта, право помилования как в виде смягчения наказания преступнику, так и в смысле его полной отмены является весьма и весьма сомнительным. Он оценивает помилование как нарушение справедливости, и полностью отрицает допустимость применения помилования к преступлениям, совершенным одним подданным по отношению к другому. По его мнению, безнаказанность преступника будет глубочайшей несправедливостью по отношению к потерпевшему.

¹ Суденко В. Е. Справедливость и наказание по Канту // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 3. С. 75—82.

Об абсолютном значении справедливости И. Кант писал еще в 1795 г. в работе «К вечному миру», считая формулу «Fiat justitia, pereat mundus» хотя и несколько громко звучащей, но все же предельно подчеркивающей значение справедливости¹. По Канту смысл приведенного афоризма звучит так: «Да здравствует справедливость, если даже от этого погибнут все плуты в мире»².

В России смертная казнь берет истоки от принципа талион, то есть лицу, совершившему преступление, причиняется вред, равный этому преступлению (око за око). В Русской правде смертная казнь не была предусмотрена, в отличие от кровной мести. Хотя есть сведения из летописей, что казнили за мятежи, преступления против христианства, измену. С развитием и централизацией Руси сфера применения смертной казни расширялась, при Иване IV она стала основным видом наказания. В эпоху Екатерины II смертную казнь считали отмененной за общеуголовные преступления, однако за совершения государственных преступлений ее вменяли. В 1917 г. 26 октября на II Всероссийском съезде Советов смертная казнь была отменена, но через год постановлением СНК РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., смертная казнь путем расстрела была восстановлена. В Уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. она применялась в виде исключительной меры наказания, которая носила исключительный характер. После окончания Второй мировой войны намечались тенденции отмены смертной казни, так как она противоречила Всеобщей декларации прав человека — «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным и унижающим его достоинство обращению и наказанию»³.

В действующем Уголовном кодексе РФ смертная казнь входит в систему наказаний, но является исключительной мерой. В ч. 2 ст. 20 Конституции РФ установлено, что смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни, когда обвиняемому предоставляется право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. То же содержится и в ч. 1 ст. 59 УК РФ. В ч. 2 ст. 59 УК РФ указано, что смертная казнь не применяется к женщинам, лицам, не достигшим 18 лет, мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесятипятилетнего возраста⁴. В ч. 1 ст. 184 УИК РФ сказано, что лицо, приговоренное к смертной казни содержится в одиночной камере, под усиленной охраной. Согласно части 1 статьи 186 смертная казнь прово-

¹ Суденко В. Е. Принцип справедливости в уголовном законодательстве // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 1. С. 75—82.

² Кант И. К вечному миру. Сочинения в шести томах. Том 6. М., 1966.

³ Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. (ст. 5).

⁴ Суденко В. Е. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под ред. А. Г. Кибальника. Пятигорск, 2007.

дится непублично путем расстрела. Также в УИК РФ разъясняются права осужденного и полный порядок исполнения такого приговора.

Рассмотрев историю развития смертной казни можно сказать, что всегда существовали противоположные точки зрения. Эта проблема остается актуальной и в наши дни. Возникает множество споров по поводу отмены либо сохранения смертной казни.

Говоря о смертной казни в России, следует учитывать ее правовую систему и менталитет граждан РФ. На наш взгляд пока еще целесообразно, чтобы смертная казнь была в системе наказаний за определенные виды преступлений, причем их круг может быть в некоторой мере расширен. Сейчас смертная казнь предусмотрена только по ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ. На данном этапе развития общества смертная казнь не может быть исключена из системы наказаний, поскольку она будет полезна обществу, чтобы пресечь наиболее распространенные и опасные преступления.

А. Ф. Кистяковский в магистерской диссертации в 1867 г. высказался о том, что «...приверженцы смертной казни защищают ее не в принципе, а ради временной ее необходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до ее отмены»¹. Действительно в российском обществе преобладает правовой нигилизм, люди неуважительно относятся к закону, слишком мало граждан, которые бескорыстно оказывают помощь при раскрытии или расследовании преступления, задержании преступников. Когда общество дорастет до уровня, при котором будет обладать высоким правосознанием, будет воспитано в уважении к закону, в том случае можно будет задуматься об отмене смертной казни.

Также часто возникает вопрос о социальной справедливости этого вида наказания, о том, что, дескать, государство не вправе отбирать жизнь у своих граждан. Но ведь и лица, совершающие преступления, не вправе даже покушаться на здоровье, жизнь и материальные интересы граждан. А если они переходят эту границу, то государство вправе применить к ним и такое жесткое наказание, как смертная казнь.

Также можно сказать, что возможно лицо, которое собирается совершить преступление, задумается лишней раз о наказании, не будет совершать общественно опасного деяния. Ведь даже и особо опасный преступник, как и любой другой человек, хочет жить.

Говоря о том, что в России необходима смертная казнь, следует отметить и еще одну причину, на которую ссылаются противники этого вида наказания. При расследовании уголовных дел, производстве расследования, а также в ходе судебного рассмотрения уголовного дела могут возникать и, к сожалению, возникают ошибки. Как избежать того, чтобы из-за такой ошибки не осудили невиновного человека и не вынесли приговор,

¹ Кузнецова Н. Ф., Тяжкова И. М. Курс уголовного права в пяти томах. Том 2. Общая часть: Учение о преступлении. М. : Зерцало, 2002.

не соответствующий объективной истине по делу?¹ Для этого лица, осуществляющие такую деятельность, должны в максимальной степени быть подготовлены к своей работе, относится к закону не только с уважением, но и самым строгим образом следовать ему, назначаться на должности только в соответствии с их квалификацией и опытом, то есть должна существовать максимально четкая, слаженная, продуманная и справедливая система раскрытия и расследования преступлений.

Подводя итог, следует заметить, что в России довольно высокий уровень преступности. Значительное количество людей находится в исправительных учреждениях, а потому данная проблема не должна отлагаться «в долгий ящик», передвигаться в будущее. Необходимо рассматривать самые различные пути и способы ее решения, в том числе и с точки зрения введения смертной казни либо ее исключения из перечня видов уголовных наказаний. Пути решения данной, весьма насущной проблемы, следует искать не столько в уголовно-правовой сфере, сколько в применении комплексного подхода².

¹ Суденко В. Е. Объективная истина как цель уголовного процесса при расследовании транспортных преступлений // Транспортное право и безопасность. 2017. № 9 (21). С. 66—73.

² Волошин И. А., Чайка А. В. Смертная казнь: «за» или «против» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 2. С. 99—104.

© Бобкова Ю. В.¹

— магистрант Юридического института МИИТ

rabochi12345@yandex.ru

История развития института участия прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Аннотация. Настоящая статья посвящена историческому развитию института участия прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Основной акцент в статье сделан на происхождении уголовно-процессуальных функций прокурора, обращается внимание на их обусловленность ролью прокурора в механизме государства. Проведенный анализ отечественного законодательства регламентирующего деятельность прокурора в досудебном производстве от эпохи правления Петра I до наших дней, а также точек зрения ученых позволил прийти к выводу о существовании двух ключевых процессуальных функций, реализуемых прокурором: функция процессуального надзора и функция уголовного преследования. Отмечается, что на разных этапах исторического развития отечественного уголовного судопроизводства прослеживается определенная преемственность в реализации прокурором функций уголовного преследования и прокурорского надзора. В заключении отмечается, что подчиненность реализуемой прокурором функции уголовного преследования назначению функции надзора имеет исторический характер, с учетом преемственно сохраняющейся смешанной природы отечественного уголовного процесса в его досудебных стадиях, и напрямую зависит от включения и развития начал состязательности в досудебное производство и их соотношения с началами розыска.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство по уголовному делу, прокурор, процессуальный статус прокурора, функции прокурора в досудебном производстве, уголовное преследование, прокурорский надзор, роль прокурора в досудебном производстве.

Должность прокурора в Российской Империи появилась в результате коренных преобразований российской государственности проведенных Петром I. 27 апреля 1722 г. Петр I создал при Сенате должности генерал—прокурора, а затем при коллегиях и прочих присутственных местах должности обер-прокуроров и прокуроров, в чьи обязанности стало входить наблюдение за правильным отправлением дел во всех государственных органах, наблюдение за справедливостью решений Сената и коллегий, а также прием донесений и наблюдение за деятельностью фискалов. По за-

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент **А. В. Борисов.**

мыслу Петра I уголовное судопроизводство также должно было стать полем деятельности прокурора.

Реализуя надзорные функции в розыском уголовном процессе, прокурор был наделен полномочиями по внесению корректив в действия следственных и судебных органов: немедленно «протестовать и доносить» Генерал-прокурору, «предлагать» Сенату, Синоду, а в отдельных случаях и непосредственно императору¹.

Осуществляя перечисленные полномочия, прокурор опосредованно реализовывал и отдельные элементы функций уголовного преследования, защиты и реабилитации, объединяя их в одном лице, как при заведомо незаконном освобождении от ответственности и смягчении наказания, так и при необоснованном «по навету» привлечении лица к уголовной ответственности. Исключения составляли случаи проведения самостоятельных расследований, которые проводились генерал-прокурором на основании высочайших распоряжений силами собственной следственной канцелярии, до реорганизации ее в 1723 г. в Розыскную контору Вышнего суда².

Своего рода посредничество в реализации функции уголовного преследования прокурором выражалось в передаче фискальских доношений, что на практике встречалось редко. Истории известны всего четыре эпизода о поддержанных прокурорами в Сенате обращениях фискалов об уголовном преследовании³.

Проведенный анализ законодательства, регламентирующего деятельность прокуратуры в период правления Петра I, позволяет прийти к выводу о формировании функции общего надзора генерал-прокуратуры, наблюдавшей за рассмотрением уголовных дел, наряду со всеми делами в других учреждениях. При этом следует отметить, что отсутствие у прокурора специальных полномочий по надзору в сфере уголовного судопроизводства свидетельствует об отсутствии оснований утверждать, о наличии у прокурора процессуальной надзорной функции.

Анализ литературных источников свидетельствует о том, что классики и современники отечественной правовой доктрины единодушны в оценке места петровской прокуратуры в уголовном судопроизводстве. К примеру, Н. Чернявский отмечает, что деятельность прокурора сводится к широкому контролю над всеми государственными учреждениями и охранение силы и действия законов...»⁴, что находит проявление и в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что в последующие годы царствования (1721—1825) в уголовном судопроизводстве не происходило существенных преобразо-

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Первое собрание. СПб., 1830. Том 5. № 3937.

² Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722—1725): Историко-правовой очерк. Новосибирск : Сибвузиздат, 2000. С. 124.

³ Там же. С. 105.

⁴ Чернявский Н. Прокурорская власть. Нижний Новгород, 1917. С. 17.

ваний, что позволило сохранить процессуальную роль прокурора практически в неизменном виде.

В период правления Екатерины Великой генерал-прокуратура сохранила свою функцию в сфере уголовного судопроизводства¹.

В ст. 138—139 «Наказа Комиссии по составлению проекта нового уложения» 1767г. Екатерина II отводит прокурору главенствующую роль в уголовном процессе, наделяя его полномочиями в «изыскании и производстве всех публичных дел ради гонения преступлений именем монарха». В законодательстве также обращалось внимание на необходимость наделять прокурора действенными правами по реализации функции публичного уголовного преследования, прежде проявлявшейся эпизодически в усеченном виде, что достаточно подробно обосновывалось в доктрине с опорой на зарубежный опыт².

Согласно ст. 404 «О прокурорской и стряпческой должности» закона «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. (далее — Учреждение) указывалось, что стряпчие при осуществлении надзора за следствием и полицейским дознанием в досудебном производстве наделялись полномочиями смотреть, чтобы следствие производилось с «возможной скоростью», «не было пристрастных допросов и бесчеловечных истязаний».

Анализируя содержание деятельности губернских прокуроров и стряпчих в сфере досудебного производства, представляется важным отметить, что, несмотря на то, что закон наделяет их полномочиями по надзору за следствием, закон не предусматривал процессуальных форм его реализации. Об отсутствии процессуальной самостоятельности прокурора в сфере уголовного преследования свидетельствует тот факт, что донесение губернского стряпчего с полученным письменным заключением прокурора, как акт уголовного преследования, обретало юридическую силу только после того, как оно было одобрено губернским правлением.

Появлению такого направления деятельности прокуратуры как надзор за деятельностью следственных органов в уголовном судопроизводстве способствовало принятие Циркулярного ордера первого министра юстиции Российской империи Г. Р. Державина³.

Следует отметить, что после создания Александром I министерств в 1802 г. прежняя генерал-прокуратура на основании Указов «О правах и обязанностях Сената» и «Об учреждении министерств» была преобразована в Министерство юстиции, а общенадзорная функция прокурора в Сена-

¹ Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. С. 81.

² Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Том XVIII. № 12949.

³ Кожевников О. А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Екатеринбург, 2007. С. 40.

те трансформировалась в надзор за уголовным преследованием и правосудием, осуществляемый одним из обер-прокуроров¹.

На основании указанных нормативных актов при реализации надзора за следственными делами на прокурора возлагалась обязанность с одной стороны, наблюдать «не происходит ли где кому пристрастных допросов, всякого рода бесчеловечных истязаний и прочих притеснений на обвинения в невинности», с целью чего стряпчие наделялись правом присутствия при допросах, а с другой — «не было ли упущений и послаблений преступлениям, а тем более сокрытия нестерпимых злодеяний». С этой целью закон возлагал на прокуроров обязанность ходатайствовать и настаивать в губернском правлении, «чтобы следствие было приведено в надлежащую ясность, точность и окончено с совершенным беспристрастием, так чтобы высшей инстанции не было ни сомнений, ни надобности требовать доследования»².

Как отмечает в своем исследовании Д. А. Сычев надзорная «деятельность прокурора в досудебном производстве в рассматриваемый период, преимущественно проявлялась в процессе ознакомления с материалами оконченого расследования и при прочтении журналов для визирования»³.

Полагаем, что посредством замечаний, требований и предложений *post factum* не представлялось возможным устранить пробелы и ошибки первоначального этапа расследования. Данный вывод подтверждается высказыванием Н. В. Муравьева о том, что «в рассматриваемый период прокуратура являлась малозаметным и малозначимым придатком к полицейскому розыску и формальному суду на основании формальных же доказательств и улик»⁴.

В 1862 г. Александр II утвердил принятую Государственным советом программу судебной реформы — Основные положения преобразования судебной части в России (далее — ОПП), послужившую основой принятого впоследствии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС)⁵.

УУС кардинально изменил ранее существовавший порядок уголовного судопроизводства, стремясь придать уголовному процессу состязательный характер. Вместе с тем, следует отметить, что предпринятые попытки были реализованы лишь отчасти, что позволило придать уголовному процессу следственно-состязательный (обвинительный) характер. В свою

¹ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Том XXVII. № 20405.

² Там же. № 20477.

³ Сычев Д. А. Прокурор: от Петра Великого до наших дней. Эволюция функциональной деятельности в уголовном процессе // Юридические исследования. 2015. № 3. С. 71.

⁴ Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. С. 353.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Первое собрание. СПб., 1830. Том XXXIX. № 41473.

очередь смешанный характер уголовного процесса, сочетавшего в себе розыскные и состязательные элементы, во многом predetermined процессуальный статус прокурора в досудебном производстве в качестве одновременного представителя уголовного преследования и надзора.

Изменения, которые впоследствии вносились в законодательство, имели своей целью развитие положений УУС, существенным образом расширили полномочиями прокурора по надзору за следствием. С 1896 г. правом на осуществление надзора за дознанием и следствием были наделены губернские прокуроры.

«Прокурорам принадлежит власть обвинительная, то есть обнаружение преступлений и преследование виновных лиц», «обличение обвиняемых... возлагается на прокуроров и их товарищей» (ст. 4 ОПП, ст. 2, 4, 5 УУС). Как отмечал С. И. Викторский: «Уголовное преследование — в смысле полномочия государства требовать расследования дела судебным порядком и наказания виновного»¹.

Реализуя функцию уголовного преследования в досудебном производстве, прокурор наделялся следующими полномочиями: 1. требовать от судебного следователя начать предварительное следствие и возбуждать уголовное преследование; 2. вносить мотивированное предложение следователю о задержании обвиняемого; 3. предъявлять следователю обязательные для исполнения требования «по всем предметам, относящимся к исследованию преступлений и собиранию доказательств»; 4. требовать дополнить предварительное следствие в соответствии с внесенными им указаниями; 5. убедившись в достаточности доказательств составлять по окончании предварительного расследования обвинительный акт.

Анализ перечисленных полномочий с учетом смешанного характера уголовного процесса с преобладанием розыскных начал в досудебных стадиях, позволяет проследить как из части полномочий, присущих функции прокурорского надзора для наблюдения за предварительным следствием выделяется функция уголовного преследования, реализуемая посредством процессуальных средств надзора.

Декретом №1 ВЦИК «О суде» от 24 ноября 1917 г. в Российской Советской Республике был ликвидирован институт прокуроров наряду с существовавшим ранее состязательным порядком уголовного судопроизводства. Будучи самостоятельным направлением деятельности прокуратуры функция надзора в условиях упрощенного судопроизводства с соединением нескольких основных функций процесса оказалась не востребованной в деятельности одного субъекта и таких определяющих факторов в принятии уголовно-процессуальных решений как «революционная совесть», «революционное правосознание», «революционное чутье в отношении классовых врагов».

¹ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 209.

Вместе с тем с призывом В. И. Ленина «...бороться за законность культурно...»¹ в 1922 г. прокуратура восстановила свое значение в качестве органа, призванного следить за установлением единообразного понимания законности во всей республике, в том числе при осуществлении досудебной уголовно-процессуальной деятельности, основу которой продолжил составлять розыск.

В связи с принятием Положения ВЦИК о прокурорском надзоре в 1922г., в котором прокурор рассматривался в качестве должностного лица, осуществляющего надзор. Закон возлагал на прокурора обязанности по надзору за производством дознания и предварительного следствия посредством дачи указаний и разъяснений органам расследования по всем связанным с предварительным следствием вопросам, а также уголовному преследованию. В то же время законодатель однозначно определил подчиненность функции уголовного преследования функции надзора. Согласно п. «а» ст. 2 Положения возбуждение уголовного преследования является средством осуществления прокурорского надзора. Впоследствии преобладающая роль функции прокурорского надзора над функцией уголовного преследования была отмечена созданием в 1933г. независимой от структур исполнительной и судебной власти прокуратуры СССР, которая в целях проведения и укрепления на всей территории страны единой социалистической законности осуществляла уголовное преследование и поддержание государственного обвинения².

С принятием Конституции СССР 1936 г. прокурорский надзор был наделен статусом «высшего».

Сохранение и усиление такой двуединой надзорно-обвинительной концепции деятельности прокурора на досудебных стадиях нашло свое отражение и в принятых 25 мая 1922 г. и 15 февраля 1923 г. УПК РСФСР, а также их последующих дополнениях³.

УПК РСФСР 1923 г. при реализации уголовно-процессуального надзора прокурор был наделен следующими правами:

1. осуществлять ключевые следственные и процессуальные действия (в том числе предлагать избрать или изменить избранную меру пресечения);
2. давать обязательные указания о дополнении следствия;
3. направлять дела на доследование с изложением подлежащих исследованию обстоятельств;
4. продлевать срок содержания под стражей, разрешать жалобы и отводы, заявленные следователю.

Полный объем правомочий по реализации функции уголовного преследования на предварительном следствии прокурор получил в результа-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1969—1970. С. 109.

² Собрание законов СССР 1932 г. № 50. С. 298.

³ Собрание узаконений РСФСР 1924 г. № 78. С. 784.

те принятия Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. на основании, которого следственный аппарат был исключен из ведения судов и учреждения в прокуратуре института народных следователей, которые приобрели монопольное право на расследование преступлений.

Вследствие проведенных преобразований прокурор стал генератором функции уголовного преследования и вершиной пирамиды обвинительной власти. Характеризуя роль прокуратуры в рассматриваемый период, С. А. Шейфер отмечает, что «появление в прокуратуре института народных следователей ознаменовало начало новой модели расследования, которая сохранилась на долгие годы», направление которому задавал прокурор, посредством указаний подчиненных ему следователям, «которые превратились в его помощников по следствию»¹.

Положение о прокурорском надзоре принятое 24 мая 1955 г., а вслед за ним Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. и УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. повторили в уже ставшей классической схеме среди направлений и задач прокурорской деятельности: уголовное преследование и надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Положения закона «продолжали удерживать следователя в роли агента обвинительной власти», а прокурору позволяли оставаться подлинным «хозяйном процесса»².

В связи с наделением прокурора чрезмерно широким спектром властно-распорядительных полномочий по вмешательству в предварительное расследование побудил ряд авторов прийти к выводу о существовании наряду с функциями надзора и уголовного преследования функции процессуального руководства.

По мнению В. М. Савицкого: «надзор за расследованием заключался в осуществляемом прокурором процессуальном руководстве деятельностью органов расследования, вне которого, предоставленные прокурору надзорные полномочия не могли быть реализованы»³.

Мы разделяем точку зрения Д. А. Сычева, о том, что «выделение среди направлений деятельности прокурора в досудебном производстве функции процессуального руководства весьма условно, поскольку используемые при ее реализации процессуальные средства подчинены достижению цели соблюдения законности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а как следствие, уголовно-процессуальной функции надзора»⁴.

¹ Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 69.

² Там же. С. 80.

³ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 211.

⁴ Сычев Д. А. Прокурор: от Петра Великого до наших дней. Эволюция функциональной деятельности в уголовном процессе // Юридические исследования. 2015. № 3. С. 72.

Примечательно, что последующие законодательные преобразования, обусловленные принятием Конституции СССР от 7 октября 1977 г., а также Закона от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР», не привели к существенным изменениям в направлениях деятельности прокурора в досудебном производстве. К числу процессуальных функций, осуществляемых прокурором, по-прежнему относились надзор за исполнением законов органами следствия и дознания, привлечение виновных к уголовной ответственности и самостоятельное осуществление расследования преступлений в условиях провозглашенного УПК РСФСР 1960 г. принципа объективной истины и практического отсутствия состязательности.

В основу принятой впоследствии Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г.¹ была положена идея последовательного воплощения в жизнь демократических принципов и состязательности в уголовном процессе, что нашло отражение в Конституции РФ 1993 г., а также УПК РФ 2002 г. Принятие 5 июля 2007 г. Федерального закона № 87-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» стало решительной мерой законодательного реформирования процессуального положения прокурора на предварительном следствии. Указанный закон фактически прервал исторически сложившуюся взаимосвязь функций надзора и уголовного преследования в деятельности прокурора.

Представляется важным отметить, что реализуемые законодательные преобразования казались оправданными с точки зрения идеологов судебной реформы в целях расширения процессуальной самостоятельности следователя и отделении следствия от надзора.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Л. В. Головкин: «В свете внесенных изменений следователь не приобрел большей процессуальной самостоятельности, а надзор не был отделен, он практически исчез, поскольку значительный объем полномочий прокурора фактически перешел к руководителям следственного органа, образовав так называемый ведомственный контроль»².

Резюмируя вышеизложенное, представляется важным отметить, что исторический анализ законодательства о российской прокуратуре, определяющего процессуальный статус прокурора в досудебном производстве, позволил прийти к выводу, что первой сформировалась функция надзора, из которой впоследствии, в связи с совершенствованием формы процесса была выделена функция уголовного преследования.

В дальнейшем происходило преемственное развитие процессуального статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу как

¹ Постановление от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР».

² Головкин Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9—16.

должностного лица, который одновременно осуществлял функции надзора и уголовного преследования посредством имеющихся у него полномочий по наблюдению за предварительным следствием. В свою очередь законодатель находился в поиске наиболее эффективных средств, позволяющих достичь стоящих перед ним целей в уголовном судопроизводстве.

Проведенный анализ реализуемых прокурором полномочий в досудебном производстве по уголовному делу позволил установить, что подчиненность реализуемой прокурором функции уголовного преследования назначению функции надзора носила исторический характер, с учетом преемственно сохраняющейся смешанной природы отечественного уголовного процесса в его досудебных стадиях, и находится в прямой зависимости от включения и развития начал состязательности в досудебное производство и их соотношения с началами розыска.

© Войпанюк С. Ю.¹

— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
sonyavoурануuk@mail.ru

Правовое регулирование контрактной системы в сфере обеспечения государственных и муниципальных закупок: проблемы на этапе планирования

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты планирования закупок, изменения законодательства, проблемы правового регулирования государственных закупок на этапе планирования

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, планирование, единая информационная система (ЕИС), единая автоматизированная информационная система торгов (ЕАИСТ).

Проведение закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд — довольно длительный и трудозатратный процесс, имеющий свои этапы и особенности, одним из которых является планирование. Справедливо сказать, что планирование — это одна из самых важных стадий в процессе проведения закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, поскольку неправильное планирование на предстоящий год приведет к внесению множества изменений, огромному количеству потраченного времени, а также к не выполненным задачам и поручениям, и срыву поставленных сроков.

В настоящее время планирование закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд регламентировано в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Каждая государственная организация, работающая по указанному Закону, на этапе планирования обязана формировать, утверждать и актуализировать два главных документа: план закупок, который составляется на три года (в рамках утвержденного бюджета), и План-график закупок на текущий финансовый год. Данные публикуются в единой информационной системе (ЕИС) и в единой автоматизированной информационной системе торгов (ЕАИСТ) (в Москве).

План-график закупок составляется на основании плана закупок, в обоих документах прописывается наименования объекта закупки и идентификационный код, в остальном — документы различаются. В плане заку-

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент **С. А. Правкин.**

покупатель Заказчик отражает и обосновывает свои потребности с указанием срока осуществления закупок и объема финансирования по годам. План-график составляется на текущий финансовый год, где детализируется каждая закупка: код бюджетной классификации (КБК), начальная (максимальная) цена контракта (Н(М)ЦК), способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), сроки и многое другое.

Согласно п. 13 ст. 21 Закона изменения в план-график могут быть внесены по ряду причин:

- 1) изменение начальной (максимальной) цены контракта;
- 2) изменение срока окончания исполнения контракта, порядка оплаты и размера аванса;
- 3) изменение планируемого срока начала осуществления закупки, способа определения поставщика, отмена закупки;
- 4) иные случаи, предусмотренные ч. 4 и 5 ст. 21 Закона.

Самым распространенным нарушением законодательства в данном случае является неполное, неточное внесение необходимых данных на весь текущий финансовый год и как следствие несоблюдение сроков. Однако если посмотреть на это нарушение с другой стороны, то выполнить его в полном объеме не представляется возможным, поскольку далеко не всегда во всех организациях все закупки являются повторяющимися из года в год. За нарушение срока утверждения/размещения плана-графика и изменений, которые вносятся в него в единую информационную систему предусмотрен штраф на должностное лицо от пяти до тридцати тысяч рублей (ч. 4 ст. 7.29.3 КоАП РФ).

Проанализировав причины, можно прийти к выводу, что 44-ФЗ дает возможность изменить практически все существенные условия закупки на этапе планирования, однако и здесь все не так просто, также следует добавить, что в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ не определено конкретно что можно считать так называемыми «существенными условиями» закупки.

К примеру, до 1 января 2017 г. согласно совместному приказу Минэкономразвития и Казначейства России от 27 декабря 2011 г. № 761/20н «Об утверждении порядка размещения на официальном сайте планов-графиков размещения заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков и формы планов-графиков размещения заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков» в план-график закупок разрешалось не вносить изменения, если разница Н(М)ЦК в опубликованной версии плана-графика и Н(М)ЦК в скорректированной документации составляла до десяти процентов, что существенно сэкономило время. В настоящий момент вносить изменения в план-график закупок необходимо даже если разница составит одну копейку. С одной стороны, это дисциплинирует заказчиков и при проверке можно будет легко выявить факт нарушения, с другой — это еще одна причи-

на затягивания сроков и как следствие смещения сроков публикации закупки, а возможно даже и срыв ввиду нецелесообразности.

В качестве примера рассмотрим государственное казенное учреждение г. Москвы, работающее по Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Совокупный годовой объем закупок организации превышает сто миллионов рублей, в связи с чем в учреждении создано отдельное подразделение — Контрактная служба на основании ст. 38 Закона и Приказе Минэкономразвития России от 29 октября 2013 г. № 631 «Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе». В плане закупок и плане-графике на текущий финансовый год государственная организация (г. Москва) опубликовала новую закупку — аукцион в электронной форме, Н(М)ЦК которого составляет тридцать миллионов рублей. После публикации в плане-графике закупок контрактная служба направила комплект документов в экспертную организацию для получения заключения о достоверности определения начальной (максимальной) цены контракта (Н(М)ЦК) при осуществлении закупок товаров, работ услуг. Проверив документацию, экспертная организация выдала отрицательное заключение, где порекомендовала снизить Н(М)ЦК на один процент. После получения заключения контрактная служба организации внесла изменения в плане-графике закупок на текущий финансовый год в части изменения Н(М)ЦК и поскольку согласование Межведомственной рабочей группы проходило параллельно — все этапы согласования были пройдены. Однако согласно ч. 14 ст. 21 Закона публиковать извещение об осуществлении соответствующей закупки в ЕИС можно только спустя десять календарных дней после внесения изменений в план-график закупок, а ранее организации и вовсе не пришлось вносить изменения и можно было бы сразу публиковать извещение о проведении закупки.

Приведенный пример наглядно показывает, что даже небольшие изменения в законодательстве могут повлечь за собой большие сложности, и в законодательстве необходимо предусмотреть все ситуации и разрешить проблему таким образом, чтобы обе стороны не только получили желаемый результат, но и оставались в рамках закона.

Рассматривая закупочную систему можно также выделить еще одну насущную причину затягивания сроков проведения закупок — нестабильная работа единой информационной системы и единой автоматизированной информационной системе торгов (в г. Москва). Стоит отметить, что хоть это и не совсем относится к правому регулированию, но существенно тормозит работу в части проведения закупок.

В настоящее время на государственном уровне организована поддержка субъектов малого предпринимательства (СМП), что также отражено в ст. 30 Закона, согласно которой заказчики обязаны осуществлять не менее пятнадцати процентов совокупного объема закупок у СМП и социально ориентированных некоммерческих организаций. Безусловно, в законе прописаны ситуации, при которых заказчик может поставить СМП как

обязательное условие осуществления закупки, например, Н(М)ЦК не должна превышать 20 млн руб.

Следует добавить, что в Москва существует ряд нормативных документов, которые ужесточают правила проведения закупок, одно из них — постановление Правительства Москвы от 24 февраля 2012 г. № 67-ПП «О системе закупок города Москвы». Согласно данному постановлению, государственные организации обязаны проводить закупки до трех миллионов рублей только у СМП, закупки, Н(М)ЦК которых от трех миллионов до двадцати миллионов — на усмотрение заказчика; за исключением случаев, которые прописаны в приказе о внесении изменений в приказ Департамента города Москвы по конкурентной политике, Департамента экономической политики и развития города Москвы и Главного контрольного управления г. Москвы от 16 мая 2018 г. № 70-01-58/18/76-ПР/35.

На этапе планирования в единую информационную систему Заказчик должен не только внести информацию о планируемой закупке, но и обосновать ее целесообразность и Н(М)ЦК.

Согласно ст. 22 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ начальная (максимальная) цена контракта может быть обоснована расчетами, произведенным такими методами как:

- метод сопоставимых (рыночных) цен, который согласно п. 6 ст. 22 закона является приоритетным;
- нормативный метод;
- тарифный метод;
- проектно-сметный метод;
- затратный метод.

В каждом из перечисленных методов есть свои особенности применения. Так, используя метод сопоставимых (рыночных) цен, Заказчику рекомендуется запрашивать коммерческие предложения не менее чем у пяти поставщиков (подрядчиков, исполнителей), а в расчете Н(М)ЦК использовать не менее трех цен товаров, работ, услуг согласно приказу Минэкономразвития России от 2 октября 2013 г. № 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)».

Нормативный метод осуществляется в соответствии со ст. 19 Закона, тарифный метод — используются в тех случаях, когда цены на товары, работы или услуги регулируются на государственном уровне.

Что касается проектно-сметного метода, то он применяется, когда речь идет о строительстве или реконструкции, а также капитальном ремонте.

Расчет Н(М)ЦК, произведенный затратным методом может идти в дополнение к расчету, произведенному с использованием коммерческих предложений. Однако также бывают случаи, когда Заказчик, руководствуясь принципом эффективности расходования бюджетных средств, использует расчет затратным методом в качестве приоритетного,

если рассчитанная цена контракта таким методом меньше чем Н(М)ЦК, рассчитанная по методу анализа рыночных цен.

Одна из самых важных задач заказчика при расчете Н(М)ЦК — правильно подобрать метод для расчета цены, иначе на Заказчика будет подано огромное количество жалоб со стороны участников, и как следствие — штраф со стороны контрольных органов в сфере закупок.

В Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ предусмотрены также общественные обсуждения закупок, Н(М)ЦК которых более 1 млрд руб., исключения прописаны в ч. 2 ст. 24 Закона. Общественные обсуждения состоят из двух этапов, по результатам которых возможно три возможных исхода:

1) отмена закупки;

2) дальнейшее проведение закупки с учетом внесения изменений в документацию, план закупок и план-график;

3) дальнейшее проведение закупки без внесения изменений.

Важная роль в данном случае отведена Контрактной службе и (или) Контрактному управляющему, поскольку необходимо четкое соблюдение сроков этапов, а также публикации протоколов в единой информационной системе.

В дополнение хочется сказать, что правовое регулирование контрактной системы и проведения государственных муниципальных закупок не только очень обширное, но и постоянно меняющееся, в связи с чем сотрудники контрактной службы организации и контрактные управляющие должны быть не просто профессионалами в своей сфере, но и проходить постоянные обучения, где разбираются различные примеры и проблемы, возникающие на практике.

© Ковалева А. В.¹

— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
kovaleva.alina.96@mail.ru

Коррупция и должностная преступность как системный фактор в России

Аннотация. В государстве, на конституционном уровне провозгласившем себя правовым, деятельность государственных органов приобретает особое значение, становится одним из главных гарантов прав и свобод человека и гражданина. В то же время именно эта деятельность нуждается в надежной охране, в том числе с помощью уголовно-правовых средств. Высший орган государственной власти России акцентировал это обстоятельство, выделив ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации отдельный квалифицированный состав злоупотребления должностными полномочиями.

Ключевые слова: коррупция, должностное лицо, уголовный кодекс, государственные органы, должностные полномочия, интеллектуальная собственность, должностные преступления, злоупотребление властью.

Связь между экономической преступностью, теневой экономикой и коррупцией трудно переоценить. Ведь, как отмечает В. О. Мандибура, экономические рыночные реформы в коррумпированной среде не только безрезультатны — они вредны, приобретают статус «полуреформ». Ведь бюрократический аппарат в такой среде получает практически неограниченные возможности по управлению государственной собственностью, основными фондами государственных предприятий [4, стр. 38—39]. Поэтому качественно противодействовать экономической преступности без преодоления, или по крайней мере взятие под контроль коррупции в органах государственной власти (в том числе и в самих органах уголовной юстиции) невозможно.

А. И. Долгова понимает под коррупцией подкуп, продажность государственных, иных служащих и на этой основе корыстное использование в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий подкупленных лиц, связанных с ними авторитетов и возможностей, а также получения определенных ненадлежащих преимуществ субъектами подкупа [7, стр. 267—268].

М. И. Мельник определяет коррупцию как социальное явление, которое охватывает всю совокупность коррупционных деяний, связанных с неправомерным использованием лицами, уполномоченными на выполнение

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент **О. М. Землина**.

функций государства, предоставленной им власти, служебных полномочий, соответствующих возможностей с целью удовлетворения личных интересов или интересов третьих лиц, а также других коррупционных правонарушений, создающих условия для совершения коррупционных деяний или является сокрытием их [1, стр. 406].

А. Н. Ларьков считает, что коррупция — это использование государственными служащими и представителями органов государственной власти своего служебного положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ как в личных, так и в групповых интересах [8, стр. 474].

В. В. Лунеев под коррупцией понимает прямое или косвенное использование должностными лицами своих служебных возможностей и полномочий для личного обогащения [12, стр. 463].

М. М. Поляков определяет, что коррупция представляет собой противоправное, виновное социальное, теневое явление, имеющее общественно опасные последствия и проявляющееся в следующих действиях:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное использование должностным лицом своего положения вопреки интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег или других ценностей;

б) совершение деяний, указанных в п. «а» от имени юридического лица. Он также классифицирует коррупционные деяния на преступления и правонарушения (гражданские, административные и дисциплинарные) [6, стр. 7].

Коррупция в уголовно-правовом смысле тесно связано с понятием «служебная преступность». Следует заметить, что само понятие «служебной преступности» является весьма неоднозначным. Ведь, например, О. Я. Светлов определяет, «что совершить должностное преступление может только должностное лицо» [9, стр. 393]. С этим соглашается и А. Н. Трайнин. Учитывая это, не понятно, относить к группе должностных преступлений те преступления, совершение которых должностным лицом является квалифицирующим признаком, например, преступления против прав интеллектуальной собственности (ст. 146, 147, 180 УК РФ), (интеллектуальная собственность, согласно ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, охраняется законом), где совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения обстоятельством, отягчающим наказание и влечет ответственность за особо квалифицированным составом — ч. 3 соответствующей статье [5, стр. 154—158].

Учитывая это, следует заметить следующее. Совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения, безусловно, качественно усиливает общественную опасность преступления.

Именно поэтому оно отягчает наказание. Однако это не относит данную группу преступлений к числу служебных. До сих пор не было выработано четкой позиции ученых в отношении должностного лица, как специального субъекта преступления в тех видах преступлений, которые не отнесены к сфере служебной деятельности. Эту проблему начали исследовать еще в начале XX в. Так, А. Н. Трайнин отдельно от должностных преступлений выделил так называемые «деликты смешанного типа» (*gemischte*, по немецкой терминологии), к которым относил случаи, когда «должностные лица несут квалифицированную ответственность, если они совершают общеуголовные преступления». Он к подобным преступлениям относил случаи должностной растраты и должностного подлова. Полемицируя с ним, Б. С. Утевский, определял, что должностная растрата и должностной подлов является не квалифицированными видами общей растраты и подлова, а самостоятельные должностные преступления, которые отличаются не только субъектом совершения деяния [10, стр. 440].

В то же время, например, В. Ю. Шумакова считает, что если служебное лицо указано в статье УК, как квалифицирующий или особо квалифицирующий признак, то соответствующие преступления являются специальными видами служебных преступлений [11, стр. 38—42]. Однако статус общего субъекта-уголовного преступления не превращает его в служебный. Целесообразнее было бы выработать определенный «промежуточный класс» преступлений, не входивший бы в служебную преступность. К таким преступлениям следует отнести и вышеупомянутые преступные деяния против прав интеллектуальной собственности.

Итак, к служебной преступности должны включаться только те преступления, которые могут совершаться только должностными лицами и те, совершаемые общими субъектами преступления, но в фактическом со-выполнении со служебными лицами (например — тандем в системе «дача взятки» — «получение взятки»), когда одно преступление невозможен отдельно от другого.

Согласно ч. 3 (примечание 1) ст. 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

Этот перечень также добавляет иностранных и международных служебных лиц. Согласно данной нормы должностными лицами также признаются должностные лица иностранных государств (лица, занимающие

должности в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, а также любые лица, которые осуществляют функции государства для иностранного государства, в частности для государственного органа или государственного предприятия), а также должностные лица международных организаций (работники международной организации или другие лица, уполномоченные такой организацией действовать от ее имени).

Как видно из приведенной нормы, граждане иностранных государств признаются служебными лицами только при наличии в них публично-правового статуса (наличия должности в государственном секторе или в международных организациях). Граждане же России получают статус должностного лица еще и в тех случаях, когда такого статуса не имеют, например, когда они занимают должности директора предприятия, председателя общественной организации и тому подобное. Такая разница связана с различиями во взглядах на статус должностных лиц корпораций в различных правовых системах.

Учитывая вышеуказанные нормы УК РФ и другие законодательные акты, следует определить такие виды служебной преступности:

1. Служебная преступность публичных должностных лиц (национальных, иностранных и международных). Особым признаком данного сектора является то, что такие преступления могут совершаться исключительно служебными лицами органов государственной власти, органов местного самоуправления и других юридических лиц публичного права.

Следовательно, к служебной преступности публичных служебных лиц относится вся совокупность преступлений, предусмотренных ст. 285.1, 285.2, 287, 288, 289 УК РФ.

К таким же преступлениям относится и та часть преступлений против правосудия, где субъектом выступает исключительно служебное лицо — судья, прокурор, следователь или лицо, проводящее дознание. В. Н. Кудрявцев считает такие преступления, разновидностью злоупотребления служебным положением, причем интересы правосудия (объект преступления) выступают в качестве элемента нормального функционирования государственного аппарата [3, стр. 304]. Такими статьями в действующем УК РФ являются, в частности, ст. 169, 299—306, 311, 315, 320.

2. Служебная преступность в сфере юридических лиц частного права как самостоятельное правовое явление появилась сравнительно недавно. Это в целом закономерно — ведь в советские времена предприятия, учреждения и организации были фактически продолжением государственного аппарата. Именно по этой причине их должностные лица владели достаточно значительными служебными полномочиями, которые (особенно на должностях руководителей предприятий военно-промышленного комплекса и стратегических отраслей промышленности) были соразмерными с полномочиями должностных лиц государственных органов, а иногда и превосходили их. Фактически к началу 1990-х гг. сложился крепкий

тандем между «чиновниками» и «хозяйственниками», к которому активно приобщался «криминал». Следствием этого стал ряд негативных тенденций в экономике России. Как отмечает Г. Ю. Дарноптих, на данный момент немало важных аспектов хозяйствования не имеют правовой основы и их решение в значительной степени зависит от заинтересованности чиновников. За счет этого наблюдается парадоксальная ситуация — сила противодействия произволу служащих и клерков обратно пропорциональна экономической мощи субъекта хозяйственной деятельности [2, стр. 29—32]. Так, крупный бизнес имеет серьезные неформальные связи с высшими ступенями власти и поэтому мало заинтересован в противодействии коррупции. Более же мелкие предприниматели либо активно противодействуют коррупции, несмотря на экономические потери, либо начинают договариваться с коррупционерами, либо отходят в «тень». В этом и проявляется системная угроза коррупции и служебной преступности в экономической деятельности.

Итак, коррупция — это сложное негативное социальное явление, заключающееся в системном противоправном использовании должностными лицами в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и коммунальных унитарных предприятиях (коррупция в публичном секторе), а также на предприятиях, в учреждениях и организациях всех форм собственности (коррупция в частном секторе) своих полномочий в сфере управления экономикой и контроля над ней с целью личного обогащения, обеспечение собственных интересов или интересов третьих лиц, а также в других деяниях, совершаемых в комплексе с ними.

Литература

1. Большой Энциклопедический юридический словарь / под ред. академика НАН Украины Ю. С. Шемшученко. — Киев : Юридическое мнение, 2007.
2. Дарноптих, Г. Ю. Служебная преступность в сфере экономики как системная внутренняя угроза экономической безопасности государства // Проблемы предотвращения служебным преступлениям в сфере хозяйственной деятельности: Материалы научно-практического семинара 9 ноября 2004 г., Харьков. — Киев : Юринком Интер, 2004.
3. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — Москва : ЮРИСТЪ, 1999.
4. Мандибура, В. О. «Теневая» экономика и направления законодательной стратегии ее ограничения. — Киев : Парламентское изд-во, 1998.
5. Нерсесян, А. С. Правовые проблемы нарушения прав интеллектуальной собственности должностными лицами // Журнал Киевского университета права. — 2008. — № 4. — С. 154—158.
6. Поляков, М. М. Административно-правовые способы предупреждения коррупционных правонарушений : автореф. дис. канд. юрид. наук. — Москва, 2008.
7. Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / под общ. ред. А. И. Долговой — Москва : ИГ НОРМА-ИНФРАМ.
8. Российская юридическая энциклопедия / под редакцией А. Я. Сухарева. — Москва : ИД ИНФРА-М.

9. Светлов, О. Я. Ответственность за должностные преступления. — Киев : Научная мысль, 1978.
10. Утевский, Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. — Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
11. Шумакова, В. Ю. служебное лицо, как специальный субъект преступлений в сфере хозяйственной деятельности // Проблемы предотвращения служебных преступлений в сфере хозяйственной деятельности. Материалы научно-практического семинара 9 ноября 2004 г. м. Харьков. — Киев-Харьков : Юринком Интер, 2008.
12. Юридическая энциклопедия / под редакцией Б. Н. Топорнина. — Москва : ЮРИСТЪ, 2001.

© Ковалева А. В.¹

— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
kovaleva.alina.96@mail.ru

Мероприятия, направленные на предотвращение и противодействие коррупции в системе государственной службы

Аннотация. Актуальной является проблема преодоления коррупции в органах государственной власти и создание авторитетного аппарата государственного управления. На сегодняшний день коррупция должна быть рассмотрена как внешняя, так и внутренняя угроза государству. При этом надо четко выделить два аспекта коррупции: политическая и экономическая. Развитие политической коррупции может привести к неконтролируемости политической ситуации в стране, развитие экономической коррупции — снижает эффективность рыночных институтов и регуляторной деятельности государства.

Ключевые слова: коррупция, коррупция в системе государственных органов, преодоление коррупции, политическая коррупция, экономическая коррупция.

На протяжении нескольких десятков лет коррупция постепенно стала одним из наиболее разрушительных явлений, которое стремительно заполонило все сферы деятельности государства и значительно сдерживает ее развитие. Проблема коррупции привлекает значительное внимание практиков и ученых, поскольку ее решение поможет эффективно реформировать систему государственного управления; обеспечить законные права граждан, которые вследствие коррупционных действий часто нарушаются; преодолеть пренебрежение населения к аппарату государственной службы и к государственным служащим, что позволит привлечь граждан к сотрудничеству с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

В последнее время мы можем наблюдать несколько более активную деятельность государства по предотвращению коррупции. В частности, одной из важных составляющих правовой политики государства стала реформа законодательства по вопросам предотвращения коррупции, которая обусловлена прежде всего отсутствием надлежащего правового регулирования в этой сфере, а также неустанным распространением коррупции [9, стр. 14—23]. Несмотря на то, что в стране произошли кардинальные изменения в политической и общественной жизни, изменились

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент **О. М. Землина.**

взгляды и на проблему противодействия коррупции [7, стр. 48—55]. Был принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на предотвращение коррупции, на политическом уровне провозглашен курс на усиление противодействия этому явлению. Как свидетельствуют название и содержание законопроекта, приоритетным является именно превентивный подход к преодолению коррупции, что является существенным отличием от превалирующего ранее репрессивного характера законодательства, за которого основное внимание уделялось вопросам ответственности за коррупционные правонарушения. Актуальность и правильность выбранной стратегии подкрепляется и давно обсуждаемой в научных кругах важной именно предупреждение коррупционных проявлений [9, стр. 14].

Как известно, успешная борьба с коррупцией основывается на трех главных составляющих: наличия политической воли наивысшего руководства государства; устранении (или максимальном сокращении) условий и стимулов для коррупции; эффективном выявлении и преследовании коррупционных правонарушений, неотвратимости наказания за их совершение [1]. Так, по моему мнению, действительно важна воля высшего руководства и государственных служащих, ведь все мероприятия по предотвращению коррупции реализуются государственными служащими и именно от них зависит эффективность избранной государством антикоррупционной политики, поэтому чрезвычайно важным является сознательное воздержание лица от противоправных действий в сочетании с активным противодействием проявлениям коррупции. Однако это касается также и обычных граждан, поскольку терпимое отношение и восприятие коррупции порождает условия для совершения новых коррупционных правонарушений.

К сожалению, в России суть любого реформирования сводится лишь к оперированию институциональными факторами, то есть до манипуляций с законодательством и административными инструментами. Но ни одно антикоррупционное реформирование российского законодательства или административных институтов не способно обеспечить Укрощение коррупции в России, если граждане не будут иметь развитой моральной культуры, которая имеет антикоррупционные свойства. Итак, если весь смысл реформ в обществе сводить только к совершенствованию социальных инструментов, игнорируя при этом необходимость развития «человеческого фактора», то это не даст ожидаемых результатов [8, стр. 8]. Поэтому количество коррупционных правонарушений, к сожалению, не становится меньше. Это опять же свидетельствует об отсутствии истинного желания искоренить условия, провоцирующие совершение коррупции, ведь эффективность антикоррупционных мер нивелируется вследствие сознательного пренебрежения ими. Государству необходимы целенаправленные усилия со стороны органов власти и гражданского общества, нужна обоснованная антикоррупционная политика, которая предполагает четко организованную деятельность институтов страны и гражданского общества,

направленных на противодействие коррупции. В обществе должны действовать мотивационные механизмы, которые бы формировали внутреннее желание самого человека соблюдать общественно полезных ценностей, которое достигается путем воспитания у человека неприятия и пренебрежения к противоправным действиям, в том числе коррупционным. Кроме того, эффективное противодействие коррупции возможно только при условии создания и реализации надлежащей системы обеспечения антикоррупционной деятельности, комплекса согласованных и взаимосвязанных мероприятий кадрового, информационно-аналитического, научно-методического, образовательного, материально-технического и иного характера, направленных на надлежащее обеспечение практической реализации стратегических задач в сфере противодействия коррупции [10, стр. 219]. Антикоррупционная политика должна быть постоянной, приоритетной функцией государства.

Однако, безусловно, наиболее результативный путь противодействия коррупции, устранения причин, ее порождающих, но устранить эти причины быстро невозможно. Для этого нужны серьезные экономические, политические и другие реформы, требующие значительных затрат. И как и любая деятельность, противодействие коррупции может обеспечиваться через применение определенных методов, которые создают условия эффективной деятельности, служебной дисциплины и другое [13, стр. 159]. Это говорит о том, что механизм противодействия коррупции не исключает применения неэкономичных — административных (или волевых) способов и мероприятий. Они не требуют существенных затрат, менее эффективны, но являются одними из важных составляющих противодействия коррупции [4, стр. 34].

Вместе с тем следует акцентировать внимание на том, что как в действующем законодательстве, так и в научной литературе отсутствует общесо согласованная точка зрения относительно содержания мер противодействия коррупции [2, стр. 25—34]. И учеными сделан вывод, что особенностями административно-правовых мер противодействия коррупции является то, что: они являются результатом реализации государственно-властных полномочий; имеют свою форму, свое внешнее выражение в виде отдельных действий; являются производными от административного метода, в связи с чем выражают принудительную волю государства; тождественно мерам административного принуждения, значительно шире по содержанию, хотя и включают в себя последние; регламентированы нормами административного законодательства; внешней формой их выражения являются требования, ограничения, запреты, правоохранные действия субъектов противодействия коррупции; реализуются в сфере государственного управления органом исполнительной власти или иным властным субъектом, наделен властно-распорядительными полномочиями; в подавляющем большинстве случаев носят ограничительный и репрессивный характер; их реализация, по сравнению с экономическими,

политическими и уголовно-правовыми мерами, не требует значительных затрат как времени, так и финансовых ресурсов [3, стр. 20].

То есть к правовым мерам противодействия коррупционным правонарушениям можно отнести все правовые действия, которые используются для пресечения административных правонарушений вообще [13, стр. 112]. В частности, правовыми мерами в теории права называют определенные юридические категории и деяния субъектов по их применению с целью достижения конкретного результата. При этом своеобразие правовых средств заключается в том, что они имеют определенную социальную ценность, поскольку обеспечивают достижение поставленных целей; отражают информационные качества права; сочетаясь между собой, создают условия для действия права; вызывают определенные юридические последствия; обеспечиваются принудительной силой государства [6, стр. 425].

Рассматривая вопрос относительно содержания правовой природы мер противодействия коррупции, стоит также акцентировать внимание на существующей дискуссии относительно правильности применения понятий «борьба», «противодействие» и «предотвращение». Однако, по моему мнению, от применения того или иного понятия уровень коррупции не снизится, ведь содержание мер, применяемых для преодоления коррупции, при этом не меняется. Однако разграничение содержания указанных категорий теоретически позволит понять, на каком этапе совершения коррупционных деяний те или иные меры могут быть применены. Поэтому с существующими по этому мнению различных авторов можно согласиться, так как каждая позиция имеет свои логические аргументы.

Так, по мнению Н. И. Мельника, термин «противодействие» является более точным по сравнению с другими терминами, в том числе и с термином «борьба». Термин «противодействие» коррупции отражает весь комплекс мер воздействия на коррупцию, включая воздействие на социальные предпосылки этого явления, причины и условия коррупционных деяний, правоохранительную деятельность по выявлению, расследованию таких деяний, привлечения виновных в их совершении лиц к ответственности. Исходя из этого, М. И. Мельник определяет понятие «противодействия коррупции» в широком и узком смысле. В широком смысле противодействие коррупции — это любая деятельность в сфере социального управления, которая направлена на уменьшение возможностей для коррупции общественных отношений, обеспечения верховенства права, реализацию других принципов права, содействие развитию демократического общества и утверждение правового государства. В узком понимании, противодействие коррупции — это система мер политического, правового, организационно-управленческого, идеологического, социально-психологического и иного характера, направленных на уменьшение объемов коррупции, изменение характера коррупционных проявлений, ограничение взаимовлияния коррупции и социальных процессов, увеличение

риска для лиц, совершающих коррупционные правонарушения, нейтрализацию действия и устранения факторов коррупции, выявления, пресечения и расследования проявлений коррупции, привлечение виновных в совершении коррупционных правонарушений лиц к юридической ответственности, восстановления законных прав и интересов физических и юридических лиц, устранение последствий коррупционных деяний [11, стр. 256].

По мнению С. С. Рогульского, правильным является применение термина «борьба», поскольку любая деятельность по преодолению негативного явления должна иметь целью устранение такого явления, а не уменьшение его проявлений. А термин «борьба» предполагает либо победу, либо поражение. Ведь деятельность, направленная против конкретного проявления коррупции, всегда имеет целью уничтожение коррупционного проявления то ли на этапе его предупреждения, то ли прекращение, а привлечение к ответственности коррупционера вообще предотвращает совершение других коррупционных деяний, которые являются в отношении них борьбой, поскольку направлено на уничтожение таких проявлений еще до их появления. Следовательно, С. С. Рогульский под административными мерами борьбы с коррупцией предлагает понимать урегулированные нормами права взаимосвязаны между собой действия компетентных органов государства и их должностных лиц, посредством которых обеспечивается борьба с коррупцией, и которые носят властно-распорядительный характер [12, стр. 112]. И. А. Демин обращает внимание на то, что категория «предотвращение коррупции» является более широким понятием, чем «противодействие». Соответственно, компетенцией по предотвращению коррупционных деяний наделен широкий круг государственных и негосударственных организаций, их должностных лиц и граждан. При этом должностные лица обязаны заниматься как предупреждением, так и противодействием коррупции. Ученый определяет понятие «предотвращение коррупции» как недопущение, заблаговременное предотвращение коррупционных деяний, а противодействие коррупции, в свою очередь, — это направления деятельности специально определенных субъектов публичной администрации против любых начатых коррупционных проявлений [5, стр. 9].

По моему мнению, следует согласиться с мнением ученых, которые считают, что уместным является использование термина «предотвращение», поскольку он имеет целью недопущение коррупционных правонарушений и с самого начала направлен на противостояние самому содержанию коррупции. Меры предотвращения коррупции имеют превентивный характер и применяются к моменту совершения коррупционных правонарушений. В более общем масштабе такие меры имеют целью предотвратить распространение коррупционных проявлений в определенной сфере, структуре или регионе. Относительно содержания понятия «противодействие коррупции», то стоит отметить, что меры противодействия

коррупции применяются на этапе, когда предотвратить распространение коррупции в определенной сфере не удалось, то есть после начала совершения лицом коррупционного деяния. Меры противодействия коррупции направлены на выявление коррупционных фактов, их прекращении, привлечения виновных лиц к административной ответственности. Следующим этапом в системе мер, направленных против коррупции, является именно «борьба с коррупцией». Как уже отмечалось, борьбу с коррупцией рассматривают как совокупность мер, направленных на окончательное искоренение коррупции. Термин «борьба» ассоциируется преимущественно с моментом активного наступления на коррупцию, с применением репрессивных мер уголовно-правового и иного характера, с противоборством с конкретными проявлениями коррупции и лицами, которые их совершили.

Таким образом, подытоживая, стоит отметить, что система мер противодействия коррупции в России составляет совокупность административно-правовых мер, направленных на недопущение проникновения коррупции во все сферы деятельности государства, выявления фактов совершения коррупционных правонарушений и правонарушений, связанных с коррупцией, а также привлечение виновных лиц к ответственности, применяя меры административно-правового воздействия. Возвращаясь к содержанию самих мероприятий, стоит отметить, что противодействие коррупции должно основываться преимущественно на сочетании мер. До таких мер, которые могут противостоять совершению коррупционных правонарушений, следует отнести: содействие функционированию его базовых гражданских институтов и участие общественности в мероприятиях по предотвращению коррупции; проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов с целью выявления в действующих нормативно-правовых актах и проектах нормативно-правовых актов факторов, которые способствуют или могут способствовать совершению коррупционных правонарушений; повышение уровня антикоррупционного сознания граждан, воспитание у граждан высоких моральных ценностей, устойчивой общественной нетерпимости к коррупционному поведению и общественному осуждению лиц, совершивших коррупционные правонарушения.

Литература

1. Бардачев, Ю. М. Антикоррупционная реформа как весомый фактор обеспечения национальной безопасности // Теория и практика государственного управления и местного самоуправления. — 2014. — № 2
2. Баштанник, В. В. Формирование государственной антикоррупционной политики в условиях модернизации власти // Наук. разведки с гос. и муницип. упр. — 2012. — Вып. 1.
3. Бездольный, М. Ю. Административно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по противодействию коррупции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 2009.

4. Гарашук, В. М. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: моногр. / В. М. Гарашук, А. А. Мухатаев. — Харьков : Право, 2010.
5. Демин, И. А. Административно-правовые основы предотвращения и противодействия коррупции милицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 2011.
6. Зайчук, О. В. Теория государства и права. Академический курс : учебник / О. В. Зайчук, Н. М. Онищенко. — Киев : Юринком Интер, 2006.
7. Ивасенко, С. М. Организационно-управленческие основы противодействия коррупции в правоохранительных органах // Ас-ТЭК публичного управления. — 2014. — № 11-12 (13-14) ноябрь — декабрь. — С. 48—55.
8. Костенко, О. М. Человеческий фактор — основное антикоррупционное средство // Журнал Киевского университета права. — 2014. — № 4. — С. 8—11.
9. Кухарук, А. В. Предотвращение и противодействие коррупции: новые акценты и роль Министерства юстиции // Юридические акценты. — С. 14—23.
10. Мельник, М. И. Коррупция — коррозия власти (социальная сущность, тенденции и последствия, меры противодействия) : монография. — Киев : Юридическое мнение, 2004.
11. Мельник, М. И. Взятничество: общая характеристика проблемы квалификации, совершенствование законодательства. — Киев : Парлам. вид-во, 2000.
12. Рогульский, С. С. Административно-правовые меры борьбы с коррупцией : дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 2005.
13. Ткаченко, А. В. Административно-правовые основы противодействия коррупции в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. — Киев, 2008.

© Лищук Д. Ю.¹

— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ).

Актуальные вопросы правового регулирования перевозки пассажиров железнодорожным транспортом и пути их решения

Аннотация. В статье рассматриваются неурегулированные на сегодняшний день проблемы правовой регламентации перевозок пассажиров железнодорожным транспортом. К числу таких проблем относится, в первую очередь, разрозненность и неунифицированность правовой базы, регулирующей сферу пассажирских перевозок, что обуславливает возникновение многих других проблем. По этой причине необходимым условием развития сферы железнодорожных пассажирских перевозок является принятие единого федерального закона.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, железнодорожные перевозки, пассажиры, правовое регулирование, политика в сфере железнодорожного сообщения.

Железнодорожный транспорт имеет особое значение для социально-экономического развития нашей страны. Благодаря ему обеспечивается связь между субъектами РФ. Для населения данный вид транспорта является одним из наиболее привлекательных, поскольку он позволяет с комфортом преодолевать большие расстояния, обеспечивает пассажирам значительную провозную способность и регулярный характер перевозок. Помимо передвижения по стране, железнодорожный транспорт предоставляет гражданам услуги пригородных перевозок, связывая областные центры с другими населенными пунктами и способствуя повышению мобильности рабочей силы, что имеет особое значение для регионов. Важной характеристикой, обуславливающей популярность железнодорожного транспорта, является также и его экологичность.

Таким образом, железнодорожный транспорт обладает целым рядом неоспоримых преимуществ. Он представляет собой составную часть единой транспортной системы России и призван удовлетворять потребности физических лиц, организаций и государства в целом [3, стр. 49]. Все это делает железнодорожный транспорт неотъемлемой частью экономики и общественной жизни страны.

В то же время, пассажирские перевозки железнодорожным транспортом в России характеризуются и наличием ряда проблем. Наиболее значимой из них является разрозненность и неунифицированность правовой базы, регулирующей сферу пассажирских перевозок. Как отмечает М. Гу-

¹ Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент **С. В. Борисова**.

торова, на сегодняшний день вопросам железнодорожных перевозок пассажиров посвящены разрозненные положения, закрепленные в отдельных нормативно-правовых актах [2].

Так, например, положения договора перевозки содержатся в гл. 40 Гражданского кодекса Российской Федерации — данные положения распространяются, в том числе, и на перевозку пассажиров. В ст. 786 ГК РФ урегулированы вопросы, касающиеся особенностей договора перевозки пассажира: в частности, в данной статье приведены права пассажира, а также установлен порядок оплаты проезда и провоза багажа. Перевозка пассажиров попадает также и под действие федерального закона «О защите прав потребителя», поскольку действие перевозчика по отношению к пассажирам является услугой [1, стр. 159]. Тем не менее, данные правовые акты регулируют институт перевозки в целом, не уточняя вид транспорта, посредством которого перевозка осуществляется. Важную роль в сфере железнодорожной перевозки пассажиров играют Правила перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом, которые регулируют широкий круг вопросов — от оформления билета до перевозки животных и выдачи багажа.

Стоит отметить, что правовое регулирование перевозок, будучи включенным в гражданское законодательство, основывается на применении императивного метода, что, с точки зрения В. Е. Карнушина, исключает применение принципа равенства гражданского права. Это означает, что интересы одной из сторон учитываются в большей мере [4, стр. 10]. Действительно, анализ правовых актов, закрепляющих основы железнодорожных перевозок, показывает, что перевозчик характеризуется наличием широкого круга обязанностей, подразумевающих обеспечение своевременности перевозок, их безопасности, качественного обслуживания граждан, их информационное сопровождение, сохранность багажа, своевременную выдачу билетов, предусмотрение льгот и преимуществ для граждан определенных категорий и др. При этом комплекс прав перевозчика сравнительно небольшой: он ограничивается правом требовать внесения пассажиром платы за проезд, а также правом требовать соблюдения им правил перевозки. Напротив, пассажиры характеризуются широким кругом прав, по большей части корреспондирующих обязанностям перевозчика, а обязанностей у них, исходя из этой логики, всего две: заплатить за билет и соблюдать правила перевозки.

В. Е. Карнушин отмечает, что приоритетная защита прав и интересов контрагентов является верным решением законодателя; он также подчеркивает сохранение в праве некоторых архаичных положений — это касается, к примеру, условия наступления ответственности перевозчика только при наличии его вины (ст. 793—796 ГК РФ) или ограничения ответственности перевозчика в размерах (ст. 796 ГК РФ) [6, стр. 10—11]. На наш взгляд, указанные положения являются составной частью механизма защиты интересов перевозчика, которые в некоторой степени изменяют те-

кущий дисбаланс прав и обязанностей перевозчика в сравнении с аналогичным набором у пассажира. Тем не менее стоит отметить, что все перечисленные права и обязанности вытекают из разрозненных положений, закрепленных в различных правовых актах, т. е. их единый перечень нормативно не закреплён.

В этой связи представители правовой науки отмечают необходимость комплексного описания всех принципов процесса перевозки пассажиров, четкой регламентации прав и обязанностей перевозчика и пассажира, установления мер их ответственности [2]. Важным шагом на пути урегулирования всех спорных вопросов должно стать принятие единого нормативно-правового документа, закрепляющего принципы государственной политики в сфере железнодорожного сообщения. Примечательно, что законопроект о принятии федерального закона «Об организации регулярного пассажирского железнодорожного сообщения в Российской Федерации» разрабатывается на протяжении почти целого десятилетия — за это время он прошел множественные доработки и согласования, но так и не был принят [2]. В то же время представляется, что его принятие могло бы решить ряд насущных для сферы пассажирских перевозок железнодорожным транспортом проблем.

Одной из таких проблем, в частности, является низкий уровень конкуренции. В сегменте пассажирских перевозок в плацкартных и общих вагонах стоимость перевозки пассажира устанавливается государством, а сами перевозки субсидируются из федерального бюджета. Правовые условия развития конкуренции в данном сегменте на сегодняшний день отсутствуют. Законодателем, в целях контролирования доходов и потерь при перевозках в плацкартных и общих вагонах, предусмотрено ежегодное установление экономически обоснованного уровня тарифов. Антимонопольным законодательством сегодня предусмотрено установление тарифа только для трех компаний: АО «Федеральная пассажирская компания», АО «Пассажирская компания Сахалин» и ОАО «Железные дороги Якутии» [2]. На мой взгляд, принятие единого федерального закона может способствовать росту конкуренции в данном сегменте за счет перехода к системе заключения договоров на организацию регулярного сообщения, осуществляемую на конкурсной основе, с предусмотрением недискриминационного доступа частных перевозчиков, а также с закреплением основ взаимодействия перевозчиков с государством в части компенсации выпадающих доходов. Таким образом, принятие единого федерального закона может послужить основой для создания устойчивой, современной модели пассажирских перевозок в нашей стране.

Наконец, важной проблемой, решение которой должно найти отражение и в положениях будущего федерального закона, является проблема свободного доступа к потреблению услуг в сфере железнодорожных пассажирских перевозок лицами, принадлежащими к маломобильным группам населения. В соответствии со ст. 27 Конституции РФ, граждане вправе

свободно передвигаться по территории страны. Тем не менее в условиях недостаточно развитой инфраструктуры, маломобильные группы населения отчасти ограничены в реализации своего конституционного права. Развитие железнодорожной транспортной инфраструктуры должно быть связано не только с оборудовани­ем вокзалов и поездов пандусами, передвижными подъемниками и переносными рампами, но также и с совершенствованием информационного обеспечения. В частности, это касается внедрения систем зрительного информирования людей с нарушением зрения, оснащения подвижного состава устройствами информации и связи, системами визуализации, трансляции звуковой информации [5, стр. 123]. Указанные меры требуют не только разработки соответствующих технических требований, но также и нормативно-правового закрепления, детальной регламентации правил обеспечения доступной среды для маломобильных групп населения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение актуальных вопросов перевозки пассажиров железнодорожным транспортом сегодня связывается с назревшей необходимостью доведения до логического завершения нормотворческого процесса в данной сфере, результатом которого станет принятие федерального закона «Об организации регулярного пассажирского сообщения железнодорожным транспортом в Российской Федерации».

Литература

1. Алфутова, О. Г. Правовое регулирование перевозок железнодорожным транспортом // Наука и образование: теория и практика. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. — Нефтекамск, 2016. — С. 159—163.
2. Гуторова, М. Пассажирские перевозки: развитие требует правовых решений // URL: <http://ipem.ru/news/publications/1403.html>.
3. Зарубин, Р. Д. Совершенствование транспортного процесса перевозки пассажиров железнодорожным транспортом // Научный альманах. — 2018. — № 4-1 (42). — С. 48—50.
4. Карнушин, В. Е. Проблемы правового регулирования договора перевозки железнодорожным транспортом в условиях современного развития общества // Транспортное право. — 2016. — № 1. — С. 10—12.
5. Семенкина, М. А. Анализ организации перевозки пассажиров маломобильной группы населения на железнодорожном транспорте / М. А. Семенкина, Н. А. Муковнина // Наука и образование транспорту. — 2018. — № 1. — С. 120—123.

© Подлесная И. В.¹

— магистрант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
irapodlesn@mail.ru

Становление и развитие института несостоятельности (банкротства) физических лиц

Аннотация. В статье описываются предпосылки создания (реализации) института банкротства физических лиц в некоторых зарубежных странах и России, анализируется действующее законодательство о регулировании банкротства и основы, на которых был сформирован действующий закон. Проведен сравнительный анализ регулирования банкротства граждан в зарубежных странах. Исследован вопрос развития законодательства о банкротстве физических лиц, который подвел нас к современному этапу сформировавшейся системы нормативных актов, регулирующих банкротство физических лиц.

Ключевые слова: банкротство, банкротство (несостоятельность) физических лиц, законодательство, правовое регулирование.

Актуальный для юридической науки вопрос анализа истории правового регулирования банкротства физических лиц, выявления его достоинств и недостатков (пробелов в правовом регулировании) стал предметом обсуждения широкого круга исследователей, в частности в связи с реформированием российского законодательства.

В настоящее время долговая нагрузка российских граждан слишком высока и, следовательно, просроченная ставка по кредитам граждан растет ускоренными темпами. С целью улучшения правового регулирования в сфере банкротства физических лиц, необходимо исследовать историю развития законодательства в сфере банкротства и вносить соответствующие изменения. Представляется, что избранная тема исследования на сегодняшний день весьма актуальна как в научном, так и в практическом отношении.

Институт несостоятельности физических лиц имеет свое историческое развитие. Для правовых систем древних обществ существовали правила, согласно которым с помощью свободы и здоровья (неимущественных прав) должник отвечал перед кредиторами. Банкрот приравнивался к вору, к которому на юридическом уровне могла быть применена смертная казнь.

После падения Римской империи институт банкротства начал широко развиваться в средневековой Италии, а положения римского права были

¹ Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор **Е. И. Данилина**.

частично приняты итальянским законодательством. Кроме того, термин «банкрот» происходит из итальянского законодательства. Сбежавшего должника в Италии называли банкротом. Нормы права были закреплены в законодательных актах, которые являлись сборниками судебных решений (Устав города Генуи в 1488 г. был назван наиболее разработанным). В соответствии с итальянским законодательством в институт банкротства было внесено фундаментальное новшество, которое выражалось в прекращении процедуры банкротства путем заключения мирового соглашения между должником и кредиторами.

Если обратиться к действующему в 1531—1540 гг. немецкому законодательству, которое было схоже с российским, то должники были отнесены к ворам и в отношении их применялась смертная казнь [1]. Со временем пришло понимание, что убивая должника, кредитор фактически лишается возможности вернуть долги, а это не улучшает его положение. С учетом вышеизложенного в законе начали разрабатываться меры по обеспечению возврата долга должником путем возврата денежных средств или создания предпосылок для имущественного обеспечения долга [2].

В период Древней Руси наступление банкротства не по вине должника толковалось как «несчастливая несостоятельность» и уже в то время нашло свое отражение в законе «Русская правда». Сокрытие должника за пределы государства от выплаты долгов трактовалось как «злонамеренная несостоятельность» [3]. После возвращения лица, скрывающегося от правосудия, последствием «злонамеренной несостоятельности» была продажа всего имущества должника на аукционе, а выручка распределялась между его кредиторами. Таким образом, зарождение института несостоятельности гражданина возникло еще в XII в. после принятия закона «Русская правда».

Исследуя литературу, можно предположить, что именно XVIII век оказал значительное влияние на развитие банкротства физических лиц. За это время было создано немало законов, которые в 1800 г. были окончательно кодифицированы путем принятия Устава о банкротах. Только в Вексельном уставе 1729 г. понятие «несостоятельность» было закреплено впервые. Основными признаками объявления должника банкротами являлись: нарушение сроков платежей, нехватка имущества должника, а также попытка должника скрыться от кредиторов [1].

Стоит также отметить, что в 1740 г. был издан кодифицированный законодательный акт — Банкротский Устав, в котором были закреплены многие условия о банкротстве. Поскольку процесс применения практики требовал определенных критериев для объявления должника банкротом, российское законодательство было вынуждено учиться на опыте зарубежных стран, правовая система которых развивалась намного быстрее.

В 1832 г. в России был принят Устав о банкротстве. Неплатежеспособность должника была основным признаком несостоятельности. Только банкротство мещанских и купеческих сословий было урегулировано

настоящим Уставом. В силу положений Устава 1832 г. физическое лицо, занимающееся торговой деятельностью, и при наличии долга в размере 1500 рублей объявлялось банкротом. В течение двух лет должника имели право содержать под стражей, лишали права заниматься торговой деятельностью, а также на протяжении всей жизни должника можно было взыскивать долги. В отношении должника в случае злостного банкротства Устав предусматривал еще более суровое наказание — возбуждение уголовного дела. Этот Устав успешно просуществовал до 1917 г. Кроме того, был введен институт присяжных попечителей.

Только в 1846 г. произошли изменения, касающиеся определения лиц, которые могут быть признаны банкротами. С этого года законодательство отказывалось признавать банкротство только торговых людей и сословной концепции (банкротство купеческое и дворянское) и распространило действие положений Устава 1832 г. на признание банкротами любых лиц, занимающихся торговлей.

Следует отметить, что после революции 1917 г. не существовало понятия «несостоятельности» банкротства как такового. Суды в основном применяли положения Устава 1832 г. Следовательно, необходимо было внести существенные изменения в действующий Гражданский кодекс. Таким образом, если обратиться к периоду после Октябрьской революции 1917 г., то внимание привлекает переход к мирному времени и пересмотру существующих правовых норм о банкротстве физических лиц.

Правовые нормы о банкротстве физических лиц были включены в Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11 ноября 1922 г. Однако в правоприменительной практике столкнулись с трудностями в связи с тем, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 10 июля 1923 г., процедуру объявления гражданина банкротом не содержал. Таким образом, в этих кодексах имелись противоречия, на основании которых возникло много дискуссий о применении судами правил банкротства на практике.

Следует отметить, что после принятия Гражданского кодекса Российской Советских Федеративных Социалистических Республик 1922 г. несостоятельность как основная категория конкурсного права встречается в Гражданском кодексе, в частности в договорах займа, поручения, а также в главе о юридических лицах. В то же время первые законы Союза Советских Социалистических Республик не содержат норм о процедурах банкротства. На основании этого был разработан проект Торгового кодекса 1923 г. о правилах процедуры банкротства, который впоследствии не был принят. Основным аргументом неприемлемости конкуренции в советском законодательстве был факт развития плановой экономики, в которой конкурсное производство не может быть применено, поскольку оно противоречит всей системе советского права.

На протяжении четырех лет не было внесено никаких изменений в законодательство о банкротстве, и только в 1927 г. Гражданский процессуальный кодекс был дополнен гл. 37, которая называлась «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических». Статья 318 данного Кодекса были определены признаки несостоятельности: «Должник, прекративший выплаты по долгам на сумму более трех тысяч рублей может быть признан несостоятельным, если судом будет установлена неспособность его к полной оплате денежных требований кредиторам».

Целесообразно подчеркнуть тот факт, что в 1960-х гг., во время развития плановой экономики о банкротстве вообще не упоминалось, а правовые нормы были исключены из гражданского кодекса.

В 1992 г. был принят Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», определивший условия и порядок объявления (несостоятельным) банкротом коммерческих юридических лиц и граждан-предпринимателей. Несостоятельность физических лиц осталась за сферой его действия [4].

С появлением данного закона возникло много проблем в правовом регулировании, которые были решены в 1998 г. путем принятия Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Однако положения о банкротстве граждан-предпринимателей не были введены в действие, пока не были внесены соответствующие изменения в Гражданский кодекс.

Основанием для признания гражданина банкротом являлось наличие несостоятельности в течение трех месяцев со дня предъявления требований к должнику. Кроме того, размер долга должен составлять не менее 100 минимальных размеров оплаты труда без учета штрафных санкций, а также должен присутствовать критерий неоплатности, который заключается в превышении стоимости принадлежащего должнику имущества.

Также должнику было предоставлено право в течение месяца с момента выяснения обстоятельств невозможности выплаты долгов кредиторам самостоятельно подать заявление о признании себя банкротом. В тоже время обязательным условием являлось наличие имущества, достаточного для покрытия судебных издержек.

Закон 1998 г. установил приоритет удовлетворения требований кредиторов, а также порядок формирования конкурсной массы. За последний год до даты возбуждения производства по делу о несостоятельности, все сделки должника по отчуждению права собственности признавались недействительными.

Впоследствии в применении Закона 1998 г. было выявлено ряд недостатков, в результате чего 26 октября 2002 г. был принят действующий Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

Длительный период времени банкротство физических лиц регулировалось наряду с банкротством юридических лиц, что являлось затруднительным в правоприменительной практике судами, вызывало противоре-

чия и дискуссии со стороны ученых. Долгое время законодательство о банкротстве нуждалось в принятии порядка объявления гражданина банкротом вплоть до 1 октября 2015 г.

Если обратиться к опыту развития практики Соединенных Штатов Америки по решению вопроса банкротства граждан, то 17 октября 2005 г. был принят Акт о предотвращении злоупотреблений при банкротстве и защите прав потребителей. Данный акт был принят с целью борьбы в злоупотреблении должником своими правами в сфере потребительского кредитования, а именно в не возврате гражданами потребительских кредитов [5].

Российские законодатели, отслеживая передовую тенденцию развития института банкротства гражданина в зарубежных странах, постепенно перенимали опыт и усовершенствовали свое законодательство. Ученые пришли к выводу, что механизм банкротства физических лиц по сравнению с исполнительным производством имеет ряд преимуществ в частности, связанных с предоставлением льгот гражданину, с возможностью урегулирования его долгов. Институт банкротства постепенно вводится в российском государстве, в частности, Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ ввел возможность банкротства физических лиц с 1 октября 2015 г.

Существенные изменения произошли в связи с принятием Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ. На основании вышеуказанного закона были введены дополнения в Закон о банкротстве, благодаря которым, стало возможным объявление банкротства граждан.

Подводя итоги настоящей статьи можно сделать следующие выводы. Сама процедура и возможность банкротства физического лица появилась еще в Древнем мире, однако формирование института банкротства прошло долгий эволюционный характер. С течением времени акцент законодателя постепенно переносился с разного рода наказаний несостоятельного должника на взыскание средств путем изъятия его имущества. В настоящее время под институтом банкротства физического лица понимается система формальных и неформальных норм, обеспечивающая взаимодействие и баланс интересов всех субъектов конкурсного процесса — должника, его кредиторов и государства — и позволяющая в конечном итоге разрешить ситуацию конфликта, вызванную несостоятельностью физического лица.

Литература

1. Степанов, В. В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. — Москва : Статут, 1999.
2. Шишмарева, Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. — Москва : Статут, 2015.
3. Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. Т. 3. — Москва, 1985.
4. Беспятко, М. Гражданин, вы — банкрот! // Домашний адвокат. — 1998. — № 6.

5. Чупрова, А. Ю. Ответственность физических лиц за нарушение английского законодательства о банкротстве // Международное публичное и частное право. — 2007. — № 1.

© Чекмарева С. В.¹

— студент Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)

«Культурная революция» в Китае при Мао Цзэдуне

Аннотация. В статье рассматривается «культурная революция» в Китае, которая была проведена Мао Цзэдунем. Проанализированы характерные особенности данной революции. Представлена информация о целях, преследуемых Мао при осуществлении революции, об активной фазе, в котором основную роль играли студенты и учащиеся средних школ, о противоречиях между сторонниками «культурной революции» и оппозицией, об итогах, к которым привело данное событие.

Ключевые слова: «культурная революция», хунвэйбины, цзаофани, прагматики, «левые», Мао Цзэдун, ЦК КПК, Китай, «большой скачок», «ревизионизм».

Во второй половине 50-х годов Китай соперничал с СССР. Мао Цзэдун оказался под огромным впечатлением после запуска Советским Союзом первого спутника Земли. Он размышлял о возможности полетов в космос, и в его мечтах было опередить СССР в темпах развития. Он думал над тем, есть ли возможность развиваться быстрее и лучше, чем Советский Союз. И тогда Мао заявил, что КНР за три пятилетки будет уже выпускать 20 миллионов стали. Чтобы достичь поставленных целей он решил создавать небольшие сталелитейные предприятия, что позже оказало плохое влияние на экономику страны.

В начале 1958 г. прошло закрытое совещание ЦК КПК. Здесь Мао Цзэдун выступил с несколькими заявлениями, суть их сводилась к тому, чтобы подготовить население для восприятия нового курса во внутренней политике и экономике. Вводились такие фразы, выступающие в качестве идеологических девизов, как «бедность — это хорошо» и «политика — командная сила». Все это говорило об испытаниях, которые китайский народ должен был пережить в ближайшем будущем. В мае 1958 г. состоялась вторая сессия VIII съезда КПК, в ней была провозглашена новая генеральная линия партии, которая хорошо была сформулирована в лозунге: «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм больше, быстрее, лучше, экономнее». Китайское руководство показывало себя большими марксистами, чем руководство СССР, и попыталось внедрить в жизнь форсированное развитие экономики и построить в Китае за 3 года основы коммунистического общества. В этой обстановке появились лозунги

¹ Научный руководитель — кандидат исторических наук, доцент **В. В. Захарова.**

«большого скачка» и народных коммун. Они, объединившись с новой генеральной линией, получили обобщенное название трех красных знамен.

Первая коммуна «Спутник» появилась в апреле 1958 г. Но только в августе 1958 г. Мао предложил принять решение Политбюро ЦК КПК о создании народных коммун. По истечению 45 дней после принятия этого решения было сделано официальное сообщение о том, что практически все крестьянство, а это около 500 миллионов человек, вступило в коммуны.

В конце 1959 г. стали возникать городские коммуны. Спустя немного времени в городах усилилось движение за коммунизацию, которое проводилось под лозунгом «все принадлежит государству за исключением зубной щетки», то есть происходило тотальное огосударствление собственности — это являлось наиболее характерной чертой проводимой кампании. Другой чертой считается — военизация труда, создание трудовых армий, и отказ от социалистического принципа распределения по труду.

Последствия большого скачка были значительными для страны. Развал сельского хозяйства привел к голоду, и только жесткое нормирование продовольствия позволяло людям сводить концы с концами. И то лишь потому, что они питались травой, листьями, кормом для животных. В городах были военные патрули, которые и днем, и ночью отгоняли от деревьев голодных людей, собиравших листья. Крестьяне начали бунтовать, убегали из комунн, разрушали дома для топлива, торговали из под полы. Целесообразно совершались мелкие правонарушения для того, чтобы сесть в тюрьму. В тюрьме человек получал пропитание и избавлял свою семью от лишнего рта. Так же начались брожения в армии.

Все неудачи проводимой кампании «Большого скачка» не остановили руководство Китая. Они дальше желали экспериментировать над своим народом. К концу 1965 года еще больше возросли разногласия между руководством КПК по проблемам определения внутривластного курса и внешней политики страны. Мао Цзэдун решил вернуться к идеям возобновления классовой борьбы. Он выдвинул положение о продолжении революции при диктатуре пролетариата. В этой обстановке появилась концепция, что часть членов КПК встала на путь «ревизионизма».

Особенно подчеркивать эту мысль о появлении ревизионизма в Китае Мао стал со второй половины 1965 г. Он полагал, что в партию, армию, правительство, и круги деятелей культуры проникло слишком много представителей буржуазии и контрреволюционных элементов. В связи с этим Мао пришел к выводу, что отвоевать власть у тех, кто ведет страну по капиталистическому пути, можно только путем проведения пролетарской культурной революции. Таким образом, данная революция, которая была задумана и разработана Мао Цзэдуном в 1966 г., имела цели устранить из руководящих органов власти всех несогласных с его политикой. Эта идея выражалась в лозунге «всей стране учиться у армии». В одно время с этим продолжалось раздувание культа личности Мао Цзедуна. Ведь именно он,

в обход партийного руководства страны начал культурную революцию и руководил ею.

7 мая Мао Цзэдун написал письмо к Линь Бяо. В нем была изложена его социально-экономическая программа, реализация которой также должна была стать одной из целей «культурной революции». В ней было сказано о создании по всей стране замкнутых аграрно-промышленных общин, это входило в его замыслы периода «большого скачка» и, как известно, часть из них были реализованы в «опыте Дачжяя и Дацина». Новым элементом данной программы была армия, которая должна была стать моделью организации общества. НОА предполагалось превратить в «великую школу идей Мао Цзэдуна».

В мае 1966 г. в Пекине прошло совещание политбюро ЦК КПК. Здесь Мао Цзэдун изложил все преследуемые цели «культурной революции». А также на этом совещании были подвергнуты критике Пэн Чжэнь, Ло Жуйцин, Лу Динъи, которые были сняты с занимаемых ими партийных постов. Сразу после того, как работа совещания завершилась, была образована «Группа по делам культурной революции», в состав которой вошли лица, которым полностью доверял Мао Цзэдун: Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Кан Шэн. Сначала руководство ею возглавил Чэнь Бод, но с конца августа руководителем группы, которая являлась главной структурой в развязывании и проведении «культурной революции», становится Цзян Цин, никогда не занимавшая видных постов в партии. Из этого следует, что возглавляла крупную политическую кампанию, действовавшую от имени партии, структура, которая не имела какого-либо законного статуса.

Мао Цзэдун одержал победу на совещании, но досталась она ему тяжело. Было понятно, что его сторону поддерживает меньшая часть руководства партии, следовательно, большинство будет сопротивляться осуществлению его замыслов.

В этой ситуации Мао Цзэдун начал искать силу, которая могла бы выступать против тех в партии, кто составлял активную оппозицию. Такая стала нашлась, эта была молодежь: студенчество и учащиеся средних школ. Первые «красные охранники», так называли хунвэйбинов, начали появляться в высших и средних учебных заведениях столицы в начале лета 1966 г. Можно было подумать, что это движение молодежи, которое было направлено против руководства партийных комитетов, профессоров и преподавателей, которые недостаточно хорошо относились к Председателю ЦК КПК. Но на самом деле хунвэйбины были инспирированы теми, кто входил в наиболее близкое окружение Мао Цзэдуна. Первая листовка (*дацзыбао*), была направлена против ректора Пекинского университета Лу Пина, которого хорошо поддерживал горком партии. Она была опубликована в конце мая в Пекинском университете. Это была инициатива жены Кан Шэна. Через некоторое время хунвэйбиновское движение охватило и остальные учебные заведения Пекина.

Большой размах «культурная революция» достигла летом 1966 года. Это было связано с массовыми судилищами, которые начали устраиваться в учебных заведениях, во время них партийные работники, известные профессора подвергались критике, их принуждали сознаваться в преступлениях, которые не совершали, унижали, обряжая в шутовские колпаки, и просто избивали. В данных мероприятиях появились и первые жертвы. Разгрому были подвергнуты не только партийные комитеты, но и органы китайского комсомола.

С начала хунвэйбиновскому движению придавали организованный характер по типу военных структур. Армия принимала непосредственное участие в его развитии: создавала специальные пункты по приему хунвэйбинов, центры связи, снабженные транспортными средствами, типографским оборудованием, финансами. У каждой группы численностью 20-30 человек был свой военнотрудовой, который был обязан обучать их военной дисциплине и осуществлять контроль за ними. Для распространения столичного опыта «красным охранникам» разрешалось ездить по стране за государственные деньги на всех видах транспорта. С осени 1966 г. по весну 1967 г. лишь по железной дороге было перевезено больше 20 миллионов хунвэйбинов, на что было использовано около 30% всего железнодорожного транспорта.

К осени 1966 г. Пекин был полон отрядами хунвэйбинов, они приезжали со всех концов страны. В столице были организованы митингов, в которых принимали участие более 10 миллионов человек, перед ними выступали высшие руководители страны, в том числе Мао Цзэдун. Так, на одном из митингов, обращаясь к молодежи, на счете которой были издевательства, а в большинстве и пытки тех, кого они принимали за противников председателя ЦК КПК, он заявил: «Я решительно поддерживаю вас!»

В декабре 1966 г. в городах стали создаваться отряды рабочей молодежи, которые должны были распространить «культурную революцию» вне учебных заведений, на предприятия и организации, это помогло бы охватить все общественные структуры. Такие отряды стали называть — цзаофани.

Весной и в начале лета 1966 г. «прагматики» послали в учебные заведения «рабочие группы», чтобы они руководили «культурной революцией», но на самом деле их истинной задачей было поставить под контроль сторонников Лю Шаоци разворачивающееся движение. Участники таких групп делали попытки выведения партийных комитетов из-под удара, при этом докладывали центру об успешном развитии кампании.

После осуждения деятельности «рабочих групп» «левыми», оппозиция начала создавать хунвэйбиновские отряды, поддерживающие партийные органы, они должны были идти против тех хунвэйбинов, подчинявшихся «Группе по делам культурной революции», руководителем которой являлась Цзян Цин. В 1966 г. осенью оппозицией стала создавать отряды «красной гвардии», в состав которой вошли рабочие городских промыш-

ленных предприятий, а так же поддерживавшие местные власти. В тот же период времени началось распространяться движение, инспирированное региональным руководством, которое носило название «экономизм»: рабочие делегаты со всех регионов Китая съезжались в Пекине, требуя стабилизации экономического положения, выплаты зарплаты и т.д.

Декабрь 1966 г. — операция хунвэйбинов по захвату Пэн Чжэня. Они вошли ночью в его дом, взяли его с постели и увезли в грузовике. В это же время хунвэйбиновский «специальный полк по поимке Пэн Дэхуая», слушающая Цзян Цин, вошел в его дом в провинции Сычуань, где он находился, и увез его в столицу. Где теперь уже бывший министр обороны был заключен в тюрьму. Только спустя год как началась «культурная революция» и как шла многомесячная кампания критики, были подвергнуты репрессиям Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Это произошло 5 августа 1967 г., в годовщину написания Мао Цзэдуном дацзыбао «Открыть огонь по штабам», в этот день в Пекине прошли судилища над ними. Здесь, на глазах жены и четырех детей. Председателя КНР, которого оставили лишь в нижнем белье, били руками и ногами, избивали цитатником Мао Цзэдуна по голове.

К началу 1967 года ситуация в стране стала весьма неоднозначной. С одной стороны, «левые» смогли захватить контроль над высшими партийными органами, с другой — сопротивление курсу Мао Цзэдуна на региональном уровне стало не менее слабым. Но никто открыто не показывал свое отношение против «культурной революции», все давали клятву в верности идеям Мао Цзэдуна, однако коренной персональной реорганизации партийно-государственных структур добиться не удалось. Таким образом «левые» приняли решение об использовании молодежного движения для тотального разрушения прежней партийно-государственной системы.

Центром политического движения снова стал город Шанхай. Руководство над хунвэйбинами и цзаофанями взял на себя простой рабочий текстильной фабрики Ван Хунвэнь. В Шанхае им противостояли отряды «красной гвардии», которые были созданы местными партийными органами. В январе 1967 года цзаофани начали движение за «захват власти», они знали, что их поддерживает армия, которая выполняла указания Линь Бяо. Для начала они взяли под контроль редакции крупнейших шанхайских газет, а потом захватили партийный комитет города, который осаждали несколько дней. После этих событий «захват власти» был организован и в других городах и провинциях.

Движение за «захват власти» происходил под лозунгом Мао Цзэдуна «создания новых органов власти по типу Парижской коммуны». В результате этого Китай был поставлен на грань хаоса и анархии. Сложившаяся ситуация могла иметь только один результат — установление в стране военного контроля. Таким образом, вместо провозглашения демократии все склонялось к утверждению военной диктатуры Мао Цзэдуна, в руках ко-

того осталась только одна организованная сила в обществе — НОАК. И именно она сыграла решающую роль в «захвате власти».

В конце января 1967 г. «левыми» был заменен призыв к созданию органов власти по типу Парижской коммуны новым лозунгом образования «ревкомов», основу которых должно было составлять «соединение трех сторон». Это означало, что в их состав войдут хунвэйбины и цзаофани, военные, которые играли основную роль в создании ревкомов, а также не подвергнутые репрессиям деятели прежнего партийно-государственного аппарата. Итогом этого стало достижение компромисса между «левыми», которые получили возможность легально влиять на положение дел в стране на всех уровнях государственного руководства, фракцией «старых кадров», продолжавшие упорно сопротивляться, и армией, она ближе всех продвинулась к реальной власти в обществе. Создание ревкомов ввело за собой коренные изменения в политике КНР, утверждение маоистской «модели коммунизма».

Инициаторы создания ревкомов замыслили, что они заменять все прежние конституционные органы власти, в том числе и партийные комитеты. Но из-за сопротивления этому курсу, процесс их формирования был затянут на полтора года, и завершился только осенью 1968 г.

При продолжающейся обстановке «захвата власти» в феврале 1967 г. открыто выступила группа высших деятелей КПК. В столице Китая состоялось совещание, на котором член политбюро ЦК Тань Чжэньлинь назвал «культурную революцию» курсом, результатом которого может быть только разгром партии, создание хаоса и экономической разрухи в стране. Он потребовал также снять обвинения с представителей «прагматиков»: Лю Шаоци, Дэн Сяопина и другие. То есть, он выдвинул обвинения против членов «Группы по делам культурной революции» в том, что они осуществляют контрреволюционный переворот. Это было тяжкое обвинение. Но за этой группой стоял Мао Цзэдун, поэтому это выступление не достигло каких-либо целей.

«Февральское противотечение» достигло только одного результата — усилились репрессий не только против кадровых работников, которые сопротивлялись «культурной революции», но и против тех, кто всеми силами помогал проводить политику Мао Цзэдуна.

Наиболее обширное столкновение сторонников Мао Цзэдуна и оппозиции было в июле 1967 г. в Ухане. Здесь руководитель уханьского военного округа, ветеран НОАК Чэнь Цзайдао, не скрываясь, перешел на сторону провинциального руководства партии, дал ему укрытие в расположении командования округом от хунвэйбиновского движения. В это же время военные начали проводить репрессии хунвэйбинов, деятельность которых направлялась из столицы. Всего арестовали до 50 тысяч человек. В связи данных событий местные партийные руководители создали собственную организацию хунвэйбинов, которая была названа «Миллион героев», действительно она включала в себя около 1 миллиона человек. Из-за кризиса

в Ухани едва не началась гражданская война, хотя в определенном смысле гражданская война уже охватила страну. Мятеж в Ухани был подавлен и завершился репрессиями военного и партийного руководства.

Мао Цзэдун осенью 1967 г. заявил, что необходимо возобновить работу КПК, провести подготовку к созыву очередного IX съезда. Он рассчитывал, что спустя два года «культурной революции» удастся восстановить партию, то есть, создать ее заново, что эта новая партия будет подчиняться его безраздельной власти. Руководителями данной деятельности — «реорганизация» партийных структур — должны были быть представители ревкомов. А контролировать их лояльность должны были «левые» революционные организации. Однако уже весной 1968 г. этот процесс приостановился из-за того, что возвращенные к работе прежние кадровые работники, которых поддерживали военные, стремившиеся к восстановлению политической стабильности в обществе, укрепили в ревкомах свои позиции. Именно это и стало самой главной причиной резкого обострения политической ситуации летом 1968 г. Ее особенностью являлось то, что хунвэйбины начали преследовать представителей НОАК, которые были заинтересованы в ограничении их влияния.

Результаты «культурной революции» в ее активной фазе были не менее разрушительным, чем — «большого скачка». Промышленное производство пошло на спад, в 1967 г. оно снизилось на 20%, сельскохозяйственное производство в хорошем случае стагнировало, в то же время снижались и душевые показатели. Огромный ущерб потерпели так же культурная жизнь, и образование. Главной книгой считался цитатник Мао Цзэдуна, а все остальные книги, в том числе и мировая классическая литература, публично сжигались. В годы революции прекратили свою работу высшие и средние учебные заведения, из-за этого в стране увеличилось число неграмотных, а народное хозяйство не досчиталось миллионов квалифицированных кадров.

Внешняя политика получила не меньший ущерб. МИД Китая было разгромлено, проводились различные провокации, направленные на иностранных дипломатов и их посольства. Очень сильно ухудшились советско-китайские отношения, результатом этого стали вооруженные конфликты на границе. Первый конфликт был в марте 1969 г. в районе о. Даманского, который повлек за собой многочисленные жертвы и со стороны СССР, и со стороны Китая. Второй конфликт произошел в августе 1969 г. в районе населенного пункта Жаланашколь. Это опасное развитие событий, чреватое вспышкой более масштабных военных действий, было остановлено в результате встречи глав правительств КНР и СССР. Они договорились начать переговоры по пограничным вопросам. Это было в октябре 1969 года.

В апреле 1969 года собрался IX съезд КПК, который должен был закрепить результаты, достигнутые Мао Цзэдуном и его группой в годы проведения «культурной революции». Этот съезд заявил о завершение наиболее

ожесточенной фазы революции. Делегаты этого съезда не избирались, а были подобраны людьми в центре и на местах, которые проявляли большую активность в «культурной революции». Основным итогом данного съезда — одобрение результатов проведенной революции, именно этого больше всего хотел добиться Мао Цзэдун. Так же на этом съезде был принят новый устав КПК, в нем утвердилась личная и безграничная власть Мао Цзэдуна, ликвидировалась должность секретариата ЦК. Председатель ЦК в своих руках сосредоточивал партию, правительство и армию. «Преемником» Мао Цзэдуна называли Линь Бяо. Из этого следует, что в политической сфере этот устав фиксировал нормы, которые были направлены на возрождение традиций «восточного деспотизма». Не мало важным было обещание регулярно проводить широкую чистку партии, то есть регулярно возвращаться к политическим движениям, подобным «культурной революции», это говорило о том, что в ближайшем будущем Китаю не добиться умиротворения в политике.

Результаты «культурной революции» в ее наиболее активной фазе, с точки зрения целей, поставленных «левыми», неоднозначны. Да, на самом деле, Мао Цзэдун устранил тех людей в высшем партийном руководстве, которые в большей степени противодействовали ему: Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, и сотни тысяч других членов партии, они все погибли в заключении, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, как и миллионы других, были подвергнуты репрессиям. Всего репрессированных за годы «культурной революции» насчитывается около 5 миллионов членов партии и еще несколько миллионов беспартийных. Так же Мао Цзэдун сокрушил прежний политический механизм в стране и установил новый, который соответствовал его пониманию о сути «китайской модели коммунизма», центром которого стали ревкомы. Но перед ним встали новые немаловажные проблемы, в первую очередь, эта была проблема поддержки режима его личной деспотической власти.

Литература

1. Васильев, Л. С. История Китая : учебник / под редакцией А.В. Меликсетов. — 3-е изд. испр. и доп. – Москва : Изд-во Московского университета, 2004.
2. Всемирная история : учебник / под редакцией Г. Б. Поляка. – Москва : Культура и спорт, 1997.
3. Фицджералд, Ч. П. История Китая / пер. с англ Л. А. Калашникова. – Москва : Центрполиграф, 2005.